

ЯН ВАЛЕТОВ

НЕ ВРЕМЯ
УМИРАТЬ

Сучасна гостросюжетна проза

Ян М. Валетов

Не время умирать

«ОМІКО»

2021

УДК 821.161.1(477)

Валетов Я. М.

Не время умирать / Я. М. Валетов — «ОМІКО»,
2021 — (Сучасна гостросюжетна проза)

ISBN 978-966-03-9537-4

Вакцина, останавливающая смертоносный вирус, найдена, но для Книжника это только начало нового пути. Пути, на котором все не так, как казалось раньше. Враги становятся друзьями. Добро превращается в зло. Жестокость – в милосердие, а ненависть – в любовь. Потому что только любовь и преданность могут спасти мир, где люди умирают молодыми... «Не время умирать» – продолжение романа-антиутопии «Лучший возраст для смерти» (2017), вторая книга трилогии «Умереть молодым».

УДК 821.161.1(477)

ISBN 978-966-03-9537-4

© Валетов Я. М., 2021

© ОМІКО, 2021

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	43
Глава 10	51
Глава 11	56
Глава 12	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Ян Валетов

Не время умирать

© Я. М. Валетов, 2021

© В. В. Малиновский, макет обложки, 2021

© Е. А. Гугалова-Мешкова, художественное оформление, 2021

© Издательство «Фолио», марка серии, 2018

Часть первая Туда и обратно

Глава 1 Оставить позади

Шепелявый умирал, и Книжник ничего не мог с этим поделать.

Он держал голову Шепелявого на коленях и зажимал ладонью входное отверстие от пули – ровно на ладонь ниже подмышки. Тот смотрел на него мутно, дышал с нехорошим присвистом и все пытался улыбаться: мол, все в порядке, Тим, не волнуйся, выберемся! Но на губах его через вздох вскипали розовой пеной мелкие пузыри, а кровь из раны не просачивалась, а толчками пробивалась сквозь прижатые пальцы. Книжник видел похожие ранения – никакой надежды. Его спутнику оставалось минут десять, не больше.

– Все будет в порядке, – зачем-то соврал Тим, но Шепелявый скорее всего его не слышал. Над ним уже склонился Беспощадный, Книжник чувствовал его незримое присутствие. Беспощадный ждал, ему было незачем и некуда торопиться.

Дождь закончился полтора часа назад, но сырой осенний воздух все еще истекал влагой. Книжник буквально дышал водой, то и дело смахивая с лица испарину.

После заката станет холодно, подумал Тим. Очень холодно – и гадать нечего! До утра земля схватится тонкой ледяной коркой, влага на ветках застынет. И костер ведь не разведешь, даже если забиться в подвал. Выдаст не пламя, не дымный мокрый хворост – выдаст запах. Его можно учуять за полмили и выследить неосторожных с закрытыми глазами.

За последнее время Книжник так хорошо освоил искусство вынюхивания, что Белка бы им гордилась! Это она учила его «слушать носом» – опасность всегда можно вынюхать, ведь человеческие существа воняют почище зверя, даже если двигаются бесшумно.

Вот сейчас он «прислушался носом» и мог с уверенностью сказать: люди были в этих руинах давно! Ни вони старой мочи, ни гнилого душка от остатков еды, ни резкого запаха оружейной смазки (ее легче всего учуять, потому что ветошь, которой протирают оружие, могут выбросить сразу после использования). Ничто не напоминало о человеке, кроме кислого порохового запаха, исходящего от россыпи гильз у ближней стены. Гильзы были старые, автоматные, тусклые, отстрелянные минимум год назад, а может, и больше.

Книжник почувствовал, как его начинает бить дрожь.

Здесь было гораздо холоднее, чем в лесу. Обломки бетона вытягивали из тела остатки тепла, торчащие из стен ржавые арматурины не давали облокотиться, но другого укрытия в округе Книжник не отыскал.

Когда-то, в другой жизни, рядом находилась одна из нор Белки – старая насосная станция, но до нее было еще с милю. Тим умудрился дотащить раненого Шепелявого только до старых развалин, и, как выяснилось, правильно сделал. Насосная станция оказалась ловушкой, и если бы он пришел туда, то умер бы еще до заката.

Впрочем, у него и сейчас были все шансы встретиться с Беспощадным.

Книжник не мог не догадываться, что переговоры с Парковыми ни к чему хорошему не приведут. Он и сам когда-то был Парковым и обязан знать, что слово, данное чужому, не стоит ничего, а договориться с вождами может только тот, кого они боятся больше, чем ненавидят.

Нет, конечно же вожди боялись странного взрослого чела, пришедшего с востока, но ровно до того момента, как признали в Книжнике того самого дохляка и никчему – Тима – Книжного Червя, которого племя прогнало пинками в лес несколько лун назад.

Нового Книжника они не знали, зато хорошо помнили старого, а это ни страха, ни уважения не добавляло. Что из того, что он выглядит странно? Что из того, что его лицо будто пожевал Беспощадный, но побрезговал и выплюнул? Червь и есть Червь! Пусть сдохнет первым!

Тим не понимал, как можно добровольно отказаться от вакцины против Беспощадного, но после событий последних месяцев уже ничему не удивлялся.

Реальность не оставляла места для иллюзий.

Раньше он думал, что лекарство, принесенное им из Лабы, сделает счастливыми и бессмертными каждого чела и каждую герлу, что вожди, какими бы жестокими они ни были, с удовольствием примут от него дар бессмертия! Но, увы, никто из тех, кто правил этим кривобоким покалеченным миром, не намеревался излечить всех. И дело было не в бессмертии.

Лекарство и отнимало, и давало власть. Давало власть почти безграничную. Возможность выбрать тех, кто будет жить вечно, среди тех, кто должен умереть завтра. Или послезавтра. Или через неделю.

Этим миром всегда правил страх.

Стоило убрать страх – и власти вождей приходил конец. Бессмертные не боятся. Бессмертные не будут подчиняться шаманам в надежде прожить на день дольше! Поэтому лекарство не могло принадлежать всем, только сильным – иначе этот мир рассыпался бы на куски!

Книжник, живший в Библиотеке, мог этого не понимать.

Книжник, выживший в схватке за Лабу, был обязан предвидеть такой оборот событий.

А Книжник не сумел...

Это из-за его наивности сейчас умирал Шепелявый.

Это из-за него у Весельчака на руках осталась почти сотня шприц-туб с вакциной, и он может распоряжаться ими по своему разумению. А какое у него разумение, Книжник уже знал точно.

Книжник в очередной раз ошибся, и Шепелявый получил пулю в легкое. А если Копыто с Диким додумаются вернуться и обшарить руины, то и Книжнику тоже предстоит умереть.

Копыто обязательно захочет узнать, где лекарство, и он узнает это, даже если придется спустить с Тима шкуру ленточками. Он, конечно, не Резчик, тот был настоящим мастером пыточного дела, но что-то подсказывало Книжнику, что и Копыто в этом деле не новичок. Значит, умирать Книжник будет долго и страшно.

Они с Шепелявым припрятали вакцину по дороге в Парк, в нескольких местах. Основной груз шприц-туб Тим схоронил неподалеку от Стейшена, сразу после того, как Горячие Земли остались позади.

Они нашли укромное место в чудом уцелевшем верхаузе¹ на въезде, перетащили туда ящики и закрыли вакцину в помятом контейнере, что ржавел в углу. Потом Тим подумал немного да поставил вокруг тайника пару растяжек от слишком любопытных обитателей здешних мест. Просто так, на всякий случай, как обязательно сделала бы Белка, которая знала толк в таких вещах.

Почти тысячу доз Книжник пристроил в пригороде Сити, в знакомом доме, где они с Белкой по пути в Стейшен нашли рекламу аттракциона братьев Вачовски.

Еще тысячу – на ферме на Пустошах.

А пять упаковок по 50 шприц-туб они, на свою беду, принесли в Парк.

Принесли с самыми благими намерениями, подумал Тим.

Все, что я делаю с самыми благими намерениями, заканчивается смертью. Не моей. Кого-то другого. Как, например, сегодня... Я просто хотел, чтобы Беспощадный больше не собирал свою жатву среди тех, с кем я когда-то рос. Я не знал, что так случится. Проебал я, а умирает Шепелявый.

¹ Warehouse – склад.

– Книжник... – прошептал Шепелявый. – Я, кашется, все...

– Не бойся, все будет хорошо, – неестественно бодрым тоном сказал Книжник, пытаясь поймать расфокусированный взгляд напарника, но тот уже смотрел мимо него.

– Не бойся, Шепелявый...

Шепелявый в ответ открыл рот, вздрогнул, словно в теле его распрямилась какая-то старая пружина, и умер. Из угла побелевших от кровопотери губ выползла кровавая змейка, перечеркнула щеку и юркнула за растянутую горловину поло.

Книжник на миг зажмурился, словно от боли. Он снова остался один.

Теперь, когда Шепелявый больше не хрипел, Тим услышал, как переговаривается идущая по их следам парковая братия. Звуки в холодном воздухе разносились далеко, охотники беспечно перекрикивались в полный голос, не опасаясь, что он ударит из засады.

И действительно... Кто же в здравом уме побоится Книжного Червя?

Он аккуратно снял с колен потяжелевшую голову мертвеца, уложил его затылком на каменную крошку и закрыл Шепелявому глаза. Шепелявый не походил на мертвеца, можно было подумать, что чел просто устал и прилег поспать, но кровь из раны больше не текла и черты лица уже начали заостряться.

– Прости, – едва слышно произнес Книжник, вытирая окровавленную ладонь о полу куртки покойника. – Не стоило брать тебя с собой. Спасибо, друг... Пусть Беспощадный будет добр к тебе.

Он повторил эти слова не потому, что верил в Беспощадного или его милосердие, а потому, что так полагалось делать, когда чел умирал. Все так говорили. Дурацкий обычай, но Книжник чувствовал, что должен сказать хоть что-нибудь.

Не то чтобы он успел сильно привязаться к покойнику. После смерти Белки Тим был уверен, что больше ни к кому и никогда не привяжется, но переживания всегда заставляют бросаться в крайности. Никогда – это слишком долго. Он привык к Шепелявому, смешной и преданный чел был той единственной ниточкой, что связывала Тима с Вайсвиллем. С урной, полной легкого пепла, что осталась стоять перед старой фотографией. Теперь ниточка оборвалась. И это, как оказалось, очень больно.

Дальше придется идти в одиночку.

Тим понимал, что нет ни одного шанса одолеть Парковых, а это значило, что надо уходить ни с чем. Стать благодетелем не вышло, повезло остаться в живых.

Раньше Тим никогда бы не полез в карманы убитого, но Белка выбила дурь из его головы. Там могут оказаться вещи, которые спасут жизнь, говорила она. Считай, что это последний подарок, если так тебе легче.

В карманах Шепелявого Книжник нашел два взрывателя для ручных гранат и моток лески с рыболовными крючками. Годная вещь. Можно и рыбу добыть, и растяжку соорудить при надобности.

Он положил последний подарок Шепелявого в карман, но легче не стало.

Книжник встал, разминая затекшие колени, проверил магазин автомата, переложил патроны и провизию своего спутника к себе в рюкзак. Закрыл горловину, потом неловко, побряхтывая, забросил груз за плечи, поправил лямки и застегнул на груди фиксирующий ремень.

Тяжело, но идти можно. Он замер прислушиваясь.

Нет, не показалось.

Голоса зазвучали громче. Слов по-прежнему не разобрать, но погоня оказалась гораздо ближе, чем пять минут назад.

Книжник поскреб ногтями щетину на щеке, прикинул порядок действий и принял решение.

Никто не боится Книжного Червя. Все считают, что он не способен оказать сопротивление. Что на него можно охотиться, как на рэббита². Что его друзей можно безнаказанно убивать. Все думают, что он не способен ударить в ответ. А зря. Он способен. Он еще как способен!

Леска. Две гранаты. Руки откуда надо.

Книжник пошарил в камнях, подсвечивая себе самодельным фонариком, и нашел, что искал. Прогнивший насквозь кусок металла улетел в темноту и с неприятным треском проехался по бетонному крошеву.

– Бу! – негромко произнес Тим, прислушиваясь.

Голоса умолкли.

Книжник представил себе, как сейчас всматриваются в темноту его бывшие соплеменники, размышляя, куда бежать: на звук или от него.

Подождав несколько секунд, Книжник снова разогнал «динамо» и помахал над головой горящим фонарем – чтобы точно не ошиблись! В ответ, разгоняя чернильный мрак осенней ночи, вспыхнули факелы. Один, за ним второй, третий... Косматые шары огня понеслись в его сторону. Тим удовлетворенно кивнул и, поправив тяжелый рюкзак, неторопливо пошел прочь.

– Стоять, Червь! – крикнул кто-то. – Стоять, трахни тебя Беспощадный!

Тропа пошла вверх, уклон становился все круче. Трава под ногами едва слышно похрустывала.

Когда сзади прогремел взрыв, он даже не оглянулся.

Кто-то тоненько завизжал: жалобно, с придыханием. Потом рвануло еще раз. По голым веткам низкорослых деревьев, что стояли вдоль тропы, хлестнуло осколками. Книжник поднялся на невысокий пригорок и только на его вершине оглянулся.

Горели лежащие на земле факелы. Никакого движения – только тьма и пляшущий огонь. Никто не бежал следом, никто не приказывал остановиться. Тишина.

Книжник знал, что должен чувствовать угрызения совести, жалость к погибшим, большинство которых он знал по прошлой жизни, но ничего не чувствовал. Совсем ничего. Хотя – нет. Левая ляжка неприятно давила плечо. Надо найти опору для рюкзака и поправить.

Он углубился в лес, оставив позади Парк и мертвецов на тропе.

Его персональных мертвецов.

² Rabbit (англ.) – кролик.

Глава 2

Встреча

Звук, вырвавший Книжника из тревожного сна, был странным – хриплое фыркание, словно кто-то подавился слюной, откашлялся, а потом печально вздохнул.

Ох-х-х-х!

В первый момент, спросонья, сердце Тима пустилось вскачь, да и, если честно, он сам едва не бросился наутек. Инстинкт приказывал ему бежать, и зиму назад он бы уже метался, как перепуганный цыпленок, разыскивая путь к спасению, но с тех пор прошла целая жизнь. Он подавил страх (сказал бы ему кто раньше, что страх можно подавить!), рука нащупала холодное цевье автомата, палец лег на курок, и Книжник замер, превратившись в слух.

Звук повторился. Снова фыркание, длинный ох – и внутреннее чутье подсказало Тиму, что тот, кто так жалобно вздыхает, не может быть опасен.

Глупость, конечно, жалобные вздохи ровным счетом ни о чем не говорили, но организм принял этот аргумент. Пульс сразу же замедлился, виски перестали пульсировать, Книжник окончательно стряхнул с себя ночной морок и осторожно сел.

Переночевать Тим устроился на бывшей пулеметной вышке, торчавшей посреди пепелища кривым уродливым зубом. Пожар сожрал ферму практически без остатка, не пощадив ни хлев, ни конюшни, ни частокол из заостренных бревен, и железный остов вышки с деревянной платформой наверху одиноко возвышался посреди пожарища, цепляясь за черную землю четырьмя основательно закопченными ногами.

Обзор отсюда открывался круговой, на несколько миль в каждую сторону, а забраться на вышку бесшумно не смог бы и лесной кот – идеальное место для того, чтобы отсидеться. Занимался рассвет, поздний осенний рассвет – холодный, промозглый и серый, как плесень. Над разоренными фермерскими полями клубился туман, лес на западе сливался с линией горизонта, неровный серп луны проглядывал через низкие плотные облака. Дыхание превращалось в иней и ложилось на ткань влажными блестками.

Книжник пригрелся в спальнике, как бэбик в утробе матери, но по привычке спал вполуха. Парк остался далеко позади, да и после гибели охотников новую погоню ожидать не стоило, но особенно здесь, на Пустошах, в землях фермеров, Тим не мог чувствовать себя в безопасности и постоянно повторял про себя Белкину премудрость.

Хочешь выжить? Учись спать одним глазом, постоянно прислушиваться и принюхиваться, не высовываться без надобности и не шуметь. И, может быть, тебя не заметят!

Тим осторожно выглянул за край платформы и замер, ощупывая взглядом шевеление рассветных теней. Видно было плохо, зато слышно хорошо, и Книжник уловил осторожные шаги. Кто-то шел по двору, но в странном рваном ритме: три шага, шаг... Три шага – шаг.

И это точно не человек, люди так не ходят.

Над землей пронесся легкий ветерок, туман качнулся, расступаясь, Тим рассмотрел массивный силуэт,двигающийся по двору наискосок, и улыбнулся.

А страхов-то было! Страхов!

Лошадь! Всего лишь лошадь! Низкорослая, с широкой спиной, кажется, вороная – рассвет не давал точно определить масть. На спине животного (о чудо!) виднелось седло, в сумраке похожее на уродливый нарост, – кожаное, с высокой передней лукой. Явно не фермерский конь приبلудился – конь охраны.

Тим присмотрелся и разглядел самого охранника. Тот волочился по земле, запутавшись ногой в стремени, мертвый, как бревно. Лошадь явно утомилась таскать на себе труп, шла неуверенно, боком, трясла гривастой головой и недовольно, жалобно фыркала и вздыхала.

Мертвец объяснял многое, если не все. Становились понятны причины, по которым выгорели поля, а на месте зажиточных фермерских хозяйств воняли гарью скелеты домов.

Набеги всегда считались самой большой напастью для фермеров с Пустошей. Неурожай делал фермеров беднее, набеги убивали их вместе с семьями. Этой осенью здешние фермеры остались без защиты.

Урожай был собран, они получили свои ништяки в обмен на зерно и овощи, но в кладовых все еще оставались большие запасы продовольствия. Полные закрома – отличная приманка для тех, кто умеет сеять и пожинать только смерть. Если честно, то не только для банд, но и для жителей Сити, и для Парковых, и для Тауна. Забрать чужое выгодно всем, особенно если остальные фермеры не узнают, кто вор.

От подобных добрых соседей здешних фермеров защищали отряды Резаного. Стоило дозорным увидеть сигнал тревоги, и на сигнальные дымы мчались ган-кары³, запряженные быстрыми конями, и пулеметы били без промаха, остужая горячие головы и карая грабителей за алчность...

За это фермеры и платили головорезам Резаного десятую часть от урожая. Но, несмотря на смертельные риски, всегда находились желающие поживиться за счет фермерского труда. Ограбить, убить, сжечь, разорить всегда легче, чем вырастить что-то своими руками. Быстрее, прибыльнее и приятнее.

Но Резаный умер, отправившись за бессмертием, ган-кары достались Тауну, отряды фермерской охраны разбежались, органично переродившись в банды, а труп грозного стража Пустошей остался валяться под насыпью на дороге к Вайсвиллю.

Фермы остались без охраны, и вот – результат...

Тим осторожно огляделся.

Вроде бы никого. Он соскользнул со своего насеста.

Пока лошадь с аппетитом хрустела куском сухой лепешки, завалившейся в кармане, Тим высвободил ногу покойника из стременной петли, и тот свалился на землю, словно колода. Книжник привязал освободившееся от постылой ноши животное к остаткам крыльца и присел рядом с мертвецом, разглядывая тело.

Судя по тату, густо забившим руку от кисти до плеча, мертвец был родом из Тауна. Крепкий такой, лет пятнадцати-шестнадцати, мускулистый, сплошь покрытый ритуальными рисунками, призванными защитить хозяина от случайной пули.

Резаный не брезговал нанимать любого, кто умел держаться в седле и стрелять не раздумывая, не важно, к какому роду-племени относил себя претендент. Одежда, ботинки, кожаная португея – покойник не тянул на рядового вэрриора⁴. Да и такое количество татуировок простому бойцу иметь не позволено!

Но покойному по-крупному не повезло, ритуальные рисунки не смогли остановить ни пять пуль, попавших ему в грудь и шею, ни единственную, попавшую в глаз и вынесшую затылок. Головы у убитого практически не было, зато ботинки – просто закачаешься: прочные, на рубчатой подошве, практически новые. И если Книжнику не изменял глазомер, то размер подходящий. Надо будет примерить!

В карманах у мертвеца оказалось пусто, зато в седельной сумке обнаружили снаряженные автоматные магазины в количестве семи штук, пять гранат, с десятков пшеничных лепешек, три ленты вяленого мяса и кусок суховатой твердой брынзы, душно воняющий козлятиной, – богатая добыча! Но самым главным призом, конечно же, была лошадь!

Невысокая гнедая кобыла, еще и подкованная, решала почти все проблемы Книжника, кроме одной: она не могла подсказать ему, что делать дальше. План, который казался Книж-

³ Gun-car (англ.) – конная повозка с пулеметом.

⁴ Warrior (англ.) – воин.

нику реальным по дороге к Парку, рассыпался, как только он вошел в знакомые с детства ворота. Новый пока не придумывался. Не повредил бы советчик и союзник, но единственный чел, к которому он мог безбоязненно повернуться спиной, умер, захлебнувшись собственной кровью.

Но в Парке Тим потерял не только Шепелявого. Здесь он лишился одной из своих главных иллюзий – веры в то, что все хотят спасения. Спасителя не ждал никто. Стефан был прав, предлагая ему остаться в Вайсвилле.

Тим грустно покачал головой.

Раздери меня Беспощадный! Я просто обязан был попробовать. Я по крайней мере попробовал.

Сон как рукой сняло. Теперь у Тима была лошадь, а это меняло планы. Он потрепал животное по загривку, и лошадь скосила на него черный блестящий глаз.

– Не волнуйся, – сказал Книжник успокаивающим тоном. – Я тебе на спину лезть не буду. Отдохни.

Он достал из рюкзака еще одну лепешку, лошадь мягкими губами осторожно взяла хлеб с его руки и, кивая крупной головой, принялась жевать.

– Но отсюда надо уходить, – продолжил Тим, проверяя подпругу. – Те, кто убил твоего хозяина, недалеко. Я бы не стал их дожидаться.

Он поправил ставший почти невесомым рюкзак, взял лошадь под уздцы и зашагал в сторону Сити. Кобыла неторопливо пошла рядом, раскачивая худыми боками.

Когда солнце поднялось чуть выше и иней на траве превратился в росу, Тим попоил лошадь из небольшого озерца с непроницаемо черной водой и скормил попутчице оставшиеся от скудного завтрака крошки. Дальше путь пролегал уже не по едва заметной тропе между невысокими холмами, а по широкому распадку, ведущему к разрушенному хайвэю⁵. Он все время крутил головой, проверяя дорогу, и несколько раз останавливался прислушиваясь.

Никого.

Когда они вышли на интерстэйт⁶, небо затянуло серыми брюхатыми тучами, и серость съела все краски за несколько минут. Над головой Тима, хрипло каркая, пролетела стая ворон, и это был единственный звук, нарушавший мертвую тишину вокруг, если не считать шума ветра, налетавшего порывами с севера.

Тим сверился с отметками на дорожных знаках (они были все еще видимыми, несмотря на ветхость) и двинулся по дороге, высматривая что-то на обочине. Лошадь шла рядом, выхватывая из-под копыт пучки увядшей примороженной травы. Когда такой травы было много, она останавливалась, и Книжник терпеливо ждал, пока она насытится, поглаживая животное по холке. Времени у него теперь было больше чем нужно. Куда спешить? Он даже не решил, куда двинется дальше.

Нужный Книжнику вэн⁷ нашелся к полудню. Он стоял у самого края шоссе – выгоревший, выцветший и ржавый до прозрачности. Когда-то он был желтым, теперь же желтая краска лишь проглядывала местами из-под жирного бурого налета.

Тим оттащил в сторону искореженную боковую дверцу, полез внутрь и вынул из прогнившего чрева микроавтобуса два военных парусиновых баула, заглянул в сумки и довольно ухмыльнулся. Коробки с вакциной остались в целостности и сохранности.

Их было много – тысяча доз. Тысяча спасенных жизней.

⁵ Highway (англ.) – скоростное шоссе.

⁶ Interstate (англ.) – скоростная дорога государственного значения, соединяющая между собой несколько районов проживания.

⁷ Van, minivan (англ.) – микроавтобус.

– Сдохни первым, Весельчак, – пробормотал Книжник, застегивая баулы. – Мы еще повоюем.

Он встал, и в этот момент пуля поцарапала ему щеку и срезала мочку левого уха, словно ножом. Звук выстрела Тим услышал уже после того, как боль обожгла ему лицо, и инстинктивно рухнул на землю. В ржавом металле над его головой образовалось несколько дырок.

Кровь лилась за воротник куртки, огнем горела щека и остатки уха, сердце прыгало в горле, но это не помешало Книжнику оценить положение и понять, что он по-прежнему легкая мишень для стрелка, – пули прошивали ветхий минивэн навывлет, практически не встречая сопротивления. Тим метнулся в сторону, к остаткам школьного автобуса, до которых было ярдов тридцать, не больше.

Сумки с вакциной пришлось бросить. Привычная к стрельбе лошадь только подняла голову, провожая улетающего нового хозяина глазами, и продолжила щипать примороженную траву. Стрелок попытался попасть в Книжника, пока тот опрометью несся в укрытие, но пули просвистели мимо, Тим проскочил и, отдуваясь, прижался к массивному автобусному боку. Для того чтобы пробить автобус навывлет, нужен был крупнокалиберный машинган⁸, автомат для этого не годился. Теперь, когда массивная облезлая туша защищала Книжника от пуль, можно было сравнительно спокойно осмотреться и подумать.

Стрелял одиночка.

Это точно не Парковые, пришедшие по его следам, не залетная пятерка вэриоров из Сити и не мародеры Пустошей. И конечно же, не остатки отрядов Резаного (не к ночи он будь помянут!), что еще бродили в этих местах. Несколько челов взяли бы Книжника в клещи и отправили в гости к Беспощадному с первой же очереди. Тут все проще: кто-то достаточно смелый решил отстрелить Тиму голову, чтобы поживиться. Лошадь – большая ценность, особенно если продать ее в Тауне. А если вспомнить, сколько добра Тим переложил в седельные сумки, то он до неприличия богатая добыча! Имея в противниках одиночку, Книжник имел хороший шанс выиграть единоборство. Не самый плохой расклад, если честно говорить. Могло быть куда хуже!

Откуда стреляли, Тим понял сразу: стрелок засел в перекошенном кузове красного пикапа, спрятанного в тени длинномерного грузовика: ярдов тридцать пять – сорок от минивэна с сумками. И выковырять его оттуда будет нелегко. Достать автоматным огнем? Так это не со снайперскими талантами Книжника! И гранату на такое расстояние Тиму не швырнуть. А если швырнуть, то не попасть.

Бросить лошадь, вакцину и бежать? Еще чего!

Книжник потрогал щеку, на которой вспухала красная борозда, и зажал ладонью кровоточащее ухо.

Больно, но не смертельно. Крови, конечно, много, но еще никто не истекал кровью из простреленного уха.

Несколько пуль снова хлестнули по борту его убежища, но Тим даже не вздрогнул.

Не сидеть же здесь до темноты? Если забраться на крышу автобуса, то кузов пикапа будет как на ладони. Сбоку не получится, слишком заметно. А вот если зайти сзади...

Через минуту Тим уже полз по грязному шелушащемуся металлу крыши, надеясь, что та не провалится под его весом. Расчет Книжника оказался верным: кузов пикапа он видел превосходно! Вот только в кузове никого не было.

Позиция была хоть куда! Книжник с высоты автобуса мог видеть почти все, его самого снизу было не рассмотреть. Тим достал из кармана половинку бинокля, доставшуюся ему в наследство от Белки, и, стараясь двигаться как можно медленнее и осторожнее, принялся изучать рекогносцировку.

⁸ Machine gun (англ.) – пулемет.

Стрелка он обнаружил быстро – его выдала лошадь. При приближении чужого кобыла забеспокоилась, начала перебирать ногами на месте и издавать звук, похожий на ржание. Достаточно было повернуть линзы в ту сторону, чтобы заметить одетого в лохмотья человека, ковыляющего к сумкам с вакциной, лежащим возле минивэна. Чел именно что ковылял. Его бросало из стороны в сторону, словно укуренного, и плюс к этому он еще и хромал, но все-таки двигался со стремительностью хищника. Он был странно одет, кособок и скорее всего ранен, но между ним и сумками было не более 20 ярдов, и Тим не имел времени на раздумья! Стрелять! Немедленно стрелять на поражение!

Книжник схватился за оружие.

Магазин неожиданно громко звякнул о металлическую крышу, и чел мгновенно обернулся, воткнувшись ненавидящим взглядом прямо в глаза Тиму. Книжник уже держал палец на спусковом крючке, но нажать на него не успел. Автомат едва не вывалился у него из рук.

Снизу, стоя между сгнившими машинами, на него смотрел не кто иной, как враг всей его жизни, один из четырех вождей Парка – Бегун.

Глава 3

Искусство лягаться

Удивлялся Книжник недолго – сердце успело сделать два удара. Ненависть – обжигающая, неконтролируемая – заполнила его до краев, вскипела черной пеной.

Если бы не Бегун... Если бы не эта злобная тварь, которая гнала их с Белкой от самого Парка и до Вайсвилля, Ханна была бы жива!

Бегун выглядел ужасно: обожженное лицо, клочья волос на макушке и... возраст!

Тим не сразу понял, что видит новую версию вождя – не чела, которого он знал и ненавидел, а израненного, облизанного пламенем взрыва и Горячими Землями старика. Такого же, как он сам.

Автомат Книжника плюнул огнем, но, даже хромой и искалеченный, Бегун оставался опытным воином, умелым и быстрым, особенно если сравнивать с Книжником. Пули прошли пустоту, загрохотали об остов машины, а Бегун уже исчез за небольшим пикапом с грузовой стрелой в кузове. Тим дал еще одну очередь по пикапу, но сообразил, что впустую расстреливает драгоценные патроны.

Некоторое время было тихо. Снова стало слышно, как ветер шевелит траву и посвистывает в ржавых фермах дорожных указателей.

Потом заговорил Бегун:

– Стрелять ты так и не научился, Червяк...

Голос вождя изменился вместе с ним, но интонации... Интонации остались теми же. То же презрение и уверенность в собственном превосходстве. Таким голосом можно только поддѣбывать!

– То-то ты спрятался! – отозвался Тим чуть погодя. – Выходи! Проверим еще разок, как я стреляю!

– Как же мы вас в Лабѣ не завалили, Червячок, при таких-то твоих умениях? – продолжил Бегун, откровенно ерничая. – Герла полудохлая и криворукий еблан, которому автоматом только в жопе ковырять.

Книжник уловил движение за ржавым кузовом и снова выстрелил.

Отсюда в Бегуна не попасть. Позиция хорошая, но в этой ситуации – бесполезная. Придется спускаться.

Шансы выйти из перестрелки живым стремительно уменьшались. Тим посмотрел на сумки с вакциной и перевел взгляд на спокойно пасущуюся кобылу.

Только бы не зацепить животинку!

– Ты, между прочим, тратишь мои патроны, Червь! – крикнул Бегун. – Перестань стрелять! Я их у тебя потом отберу! У мертвого! Мне пригодятся!

– Сдохни первым! – прорычал Книжник.

– Сдохни первым! – отозвался Бегун.

И хихикнул.

Легче было крикнуть «сдохни» тысячу раз, чем сделать, чтобы противник отправился на встречу с Беспощадным. Пригодились бы гранаты, но...

Гранаты у Книжника имелись, но лежали они в рюкзаке, а рюкзак уютно пристроился возле сумок с вакциной. Без гранат достать противника было делом сложным, практически нереальным. Дуэль могла продолжаться часами, пока кто-то из них не ошибется, и Тим не был уверен, что именно он сумеет выжить в этом противостоянии. Против Бегуна, хоть и раненого, рассчитывать на везение глупо.

Книжник несколько раз глубоко вздохнул, приводя себя в порядок.

Спокойствие, расчет и хитрость – вот наше оружие. Когда тебя буквально разрывает от злости, много не навоюешь. Но мы еще посмотрим, кто кого!

Он хотел птицей спорхнуть с крыши школьного автобуса, но получилось лишь сравнительно быстро спуститься. В результате Тим едва не сорвался вниз, оступился, неуклюже прыгнул, чтобы не нырнуть вниз головой в камни, но автомат не выронил.

Теперь хотелось бы добраться до рюкзака.

Со своей нынешней позиции Книжник видел минивэн отлично и мог автоматным огнем не подпустить к нему Бегуна. Но и Бегун мог сделать то же самое. У того, кто побежит через открытое пространство, не было ни одного шанса уцелеть.

Тим проверил магазин.

Больше половины.

– Ну и что будем делать? – спросил Бегун.

Может быть, Книжнику почудилось, но он начал задыхаться. Словно все это время не лежал за пикапом, а бежал куда-то сломя голову? Странно...

– Ждать, пока ты ошибешься, – отозвался Тим. – И я тебя убью.

Смех вождя походил на куриное квохтанье.

– Это хорошо, что ты меня ненавидишь, Книжный Червь. Это делает тебя похожим на чела. Я раньше думал, что ты вообще ни на что не годен. Прости. Ошибался.

Во вздохе Бегуна послышалось клокотание, словно за ребрами у него был спрятан котелок с закипающей водой. Знакомый звук! Книжник пытался вспомнить, где слышал подобное, и едва не пропустил момент ответной атаки вождя.

Бегун выкатился из своего убежища, развернулся, автомат в его руках задергался, выплевывая свинец. Книжник успел юркнуть за колесо автобуса и едва не закричал от страха, когда очередь застучала по высохшей резине. Но то, что он успел увидеть, пока враг бежал, заставило Книжника расплыться в довольной улыбке: лицо Бегуна текло!

Теперь Тим отчетливо вспомнил, где он слышал этот булькающий звук. Так дышали те, за кем пришел Беспощадный.

Бегун умирал. Нужно было просто подождать. Но...

Этого не могло быть. Если Бегун все еще не получил укол антидота, то должен быть мертв. Мертв давно. Мертв, как все, кто пересек Горячие Земли. А если у него антидот уже в крови, то... Что с ним сейчас происходит?!

Книжник вспомнил, как пальцами вытащил у себя зуб, и даже потрогал языком зажившую лунку. Бегун выглядит стариком. Сколько ему сейчас? Лет сорок на вид? Как мне? Или ближе к пятидесяти?

На самом деле Тим никогда не видел сорокалетнего чела. Никто из живущих не видел сорокалетнего чела. И он сам, и Бегун могли выглядеть на сорок, пятьдесят или шестьдесят – никто бы не уловил разницы. С кем было сравнивать? Оба они выглядели взрослыми. Значит, процесс ураганного старения удалось приостановить! Беспощадный отступился, забрав только небольшую часть из того, что причиталось ему по праву.

Почему же тогда лицо Бегуна «течет»? Что случилось?

На несколько секунд Книжника бросило в пот.

А вдруг лекарство неэффективно? Вдруг оно скисло за сто лет ожидания? Вдруг оно не побеждает Беспощадного навсегда, а лишь заставляет его на время отступить? Может, это тактика такая: отступить, прикинуться мертвым, а потом набросится на жертву с новыми силами и прикончить наверняка?

Мысли вихрем закружились в голове Тима, отвлекая его от реальной опасности. Он встряхнул головой.

Бегун одной пулей закрывает все вопросы, стоит только дать ему подобраться поближе. Сейчас нужно достать эту тварь, а с лекарством разбираться позже. Работает антидот или не работает, мертвому наплевать.

Книжник пошарил рукой в траве, вывернул из плотного дерна увесистый кусок бетона и, примерившись, запустил его в небольшой автомобильчик, воткнувшийся в обочину справа от него. И когда камень грохнул в облезлую дверцу, рванул в противоположную сторону, обходя противника слева. Тим несся, как испуганный рэббит, и, как оказалось, не зря. Вождь Парка не клюнул на отвлекающий маневр врага, и только скорость и везение спасли внутренности Книжника от автоматной очереди. Одна из пуль пробила полу куртки Тима за миг до того, как он юркнул под колеса огромного трака. Книжник выскочил из-под грузовика с другой стороны, замешкался на доли секунды и бросился в сторону кабины длинномера, то есть в ту же сторону, откуда прибежал.

Он не видел, что Бегун тоже хромает в ту же сторону, медленно, но и такой скорости было достаточно, чтобы встретить Тима очередью в упор.

Книжник обогнул кабину, спотыкнулся о заросшую железку, едва не упал, но сохранил равновесие и, подняв глаза, встретился взглядом с Бегуном. Они очутились друг перед другом, нос к носу, разгоряченные коротким боем, с кипящим в крови адреналином. Для автоматной пули пять ярдов, разделявшие старых врагов, не значили ровным счетом ничего. Бывшие соплеменники замерли. Стволы их оружия смотрели в землю, и в живых должен был остаться тот, кто выстрелит первым.

Кто успеет выстрелить первым.

Для Книжника время превратилось в разогретую смолу. Он чувствовал себя, как муравей, попавший в золотистую смертоносную каплю смолы жарким летним днем. Он пытался двигаться быстро, но Бегун, несмотря на раны, был быстрее. Ствол его автомата уже поднимался в сторону Тима, а оружие Тима все еще смотрело в землю. За спиной Бегуна был виден желтый вэн, лежащие на траве сумки с вакциной и зад кобылы, мирно пасшейся возле рюкзака Книжника.

Вот и все, подумал Книжник. Подумал отстраненно, понимая, что проиграл, и до того, как автомат Бегуна превратит его в фарш, остались доли секунды. Он видел всю картину с четкостью, необычной для его испорченного чтением зрения. До капельки крови, присохшей к щетине Бегуна. До царапин на стволе его оружия. До волосков в хвосте кобылы. Пряжка на ремне автомата Книжника ударила о торчащую из земли металлическую полосу с неожиданно звонким, хлестким звуком: «дзынь»!

Автомат Бегуна уже смотрел ему в живот. Лицо вождя, утратившее всякую определенность черт, больше похоже на измятый руками гончара кусок глины, обросший редкой седой щетиной, раззявило красный, истекающий сукровицей рот в победном крике.

Не все в жизни и смерти решает умение и реакция – многое зависит от случайности и удачи.

Испуганная металлическим звоном кобыла взмахнула хвостом и без особой цели лягнула воздух двумя ногами. Два подкованных копыта ударили Бегуна в спину за миг до того, как он нажал на курок. Вождя швырнуло вперед снарядом из катапульты.

Загремели выстрелы. Автомат полетел в одну сторону, вождь – в другую, а пули в третью, не причинив никому вреда.

Бегун оказался твердым и тяжелым. Книжника снесло с ног, словно в него врезался не его извечный антагонист, а разогнавшаяся по Рейле гребная тележка.

Книжник рухнул на землю. Удар выбил из его легких воздух, автомат улетел куда-то в сторону. Книжник корчился, словно разрубленный червь, пытался что-то крикнуть, но только сипел и плевался кровью из разбитой губы. Тело врага прижимало Тима к сырому холодному

дерну. Он ударил локтем, целясь противнику в горло, – раз, другой, уперся коленом и, зарывав, отбросил полубесчувственного Бегуна в сторону.

Вождь упал на бок, слабо застонал и перевалился на спину. Он больше походил на полено, чем на живого человека. Книжник вскочил, вернее ему казалось, что он вскочил. На самом деле это больше походило на движение раненого дира, угодившего в ловчую яму, – Книжник когда-то видел, как животное пытается встать на переломанные ноги. Но Тим все-таки встал, некоторое время подышал не выпрямляясь, дождался, пока воздух стал заполнять легкие, и наконец-то осмотрелся.

Кобыла-спасительница все так же паслась рядом с рюкзаком. Автомат Книжника валялся на траве в десятке шагов от места падения. Оружие Бегуна отлетело за грузовик. Сам Бегун валялся у Книжника под ногами. Можно было сказать, что он не подает признаков жизни, но его ободранная физиономия продолжала видоизменяться, показывая низкому серому небу то лицо тина, то лицо старика, то лицо чела, которое Тим видел несколько минут назад, то превращаясь в шевелящееся нечто, сырой бесформенный кусок мяса, в котором невозможно было узнать вождя Парка.

Книжник много раз видел приход Беспощадного и не мог ошибиться. Это был он – хозяин всего живого, ужас челов и властелин смерти.

Бегун не мог выжить после Горячих Земель. Но Бегун не мог выжить и в Лабе после взрыва! Однако он был здесь. Спасенный, но снова попавший во власть Беспощадного.

А что, если в Лабе они нашли не выход, а короткую отсрочку? Несколько лун надежды и дальше смерть?

Книжник смотрел на умирающего врага не с радостью и злорадством, как должен был смотреть, а с ужасом. Картины одна страшнее другой проносились перед его глазами.

Неужели все зря?! Неужели Беспощадный победит?

Нужно было знать наверняка. Предупрежден – значит, имеешь преимущество! Книжник метнулся к сумкам, рванул молнию, дрожащими руками вытащил из упаковки тубу с вакциной.

Он не мог придумать ничего другого. У него просто не было вариантов.

Бегуна придется оставить в живых. Он – не друг, не враг. Он – подопытная крыса, обезьянка (Книжник читал о таких в старых журналах), которую используют, чтобы понять все о болезни и лекарстве. Вождь заслуживал смерти, и Тим собирался с удовольствием скормить его Беспощадному, вот только обстоятельства рассудили иначе. Ради того, чтобы одолеть Беспощадного, погибла Белка. Все, что совершила она и что совершил сам Книжник на этом тяжком пути, делалось ради победы. Он еще успеет отомстить!

Тим зубами сорвал колпачок с инъекционной иглы и без раздумий впрыснул содержимое тубы в грязную обожженную шею Бегуна.

Как раз туда, где под нечистой кожей все еще билась напряженная жилка.

Глава 4

Пленник

Лошадь Книжник накормил яблоками с дерева возле фермы. На ветках оставалось четыре штуки – плохонькие, битые градом и кислые настолько, что сводило зубы. Одно Книжник, кривясь, сгрыз по дороге, а остальными угостил свою спасительницу. Лошадь аппетитно похрустела подарком, зафыркала, ткнулась мордой Тиму в плечо и снова принялась за пожухлую траву.

Тим вернулся в автобус, к пленнику, прихватив с собой рюкзак.

Бегун понемногу приходил в себя. После укола лицо его застыло, Беспощадный в очередной раз отступил, а вот удар двумя подкованными копытами в спину бодрости не добавил.

Тим осмотрел вождя, пока связывал, – ребра, конечно, могли треснуть, но в целом Бегун не так уж и сильно пострадал: пара больших кровоподтеков на спине, ссадина на пояснице... В общем, несмертельно!

Он по-прежнему был опасен, как болотный снейк, как черный вайпер, от укуса которого чел умирает в муках за несколько минут. Поэтому Тим постарался на славу и скрутил Бегуна качественно, спеленал, как паук – муху.

Бегун сидел там, где Книжник его оставил. Сложно сбежать, когда руки и ноги связаны, а еще одна веревка, прикрученная к поручню, крепко охватывает горло. Он не стонал, но болезненно кривился при каждом вдохе.

Книжник бросил на врага неприязненный взгляд и принялся копаться в рюкзаке, выискивая съестное. Несколько лепешек Тим по доброте душевной скормил лошади, а одну полосу вяленого мяса сжевал на дневном привале, закусив куском вонючей, но вкусной брынзы... В общем, съестного оставалось немного. Книжник посмотрел на скудный запас, потом на вождя и принялся ужинать, если половину полоски мяса и небольшую черствую, как кусок бетона, лепешку можно считать ужином.

Бегун глядел на Книжника и криво усмехался.

– Не поделишься?

– Сдохни первым, Бегун...

Вождь хмыкнул.

– Уже не получится. Ты же меня не убил, пока я был без сознания, только скрутил, как овцу.

Он продемонстрировал связанные ноги, стукнув ими по полу автобуса.

– Значит, я зачем-то тебе нужен, Червяк.

– Ты мне не нужен.

– Врешь. Был бы не нужен – пристрелил бы. Я, считай, твой пленник... А пленников положено кормить.

Он снова попытался рассмеяться, но на этот раз его прострелило болью в бок, и вождь замолчал, кусая губу.

– Это, блядь, смешно... Я у тебя в плену! Чем ты мне врезал?

– Это не я, – сказал Книжник, запивая сухомятку водой из пластиковой бутылки. – Тебя лягнула моя лошадь. В спину. Если бы ты читал книги, Бегун, то знал бы: к лошади сзади подходить нельзя... Но ты же не умеешь читать, вождь. Поэтому ты мой пленник, а не я твой.

– Я бы тебя в плен не брал, – скривился Бегун, устраиваясь так, чтобы меньше болело.

Книжник пожал плечами. Спорить было глупо.

– Дальше что? – спросил Бегун.

– Пока не решил.

– Убьешь?

– А сам как думаешь?

Они помолчали. Потом Книжник продолжил. Голос его звучал спокойно, холодно, но Бегун слишком хорошо знал челов, чтобы обманываться. Под показным самообладанием пылало пламя ненависти, и то, что его не было видно снаружи, делало этот жар во много раз опаснее.

– Что с тобой делать, решу утром. В любом случае не бойся – мучить я тебя не стану.

– Утешил.

– Я же не ты.

– Это тебе так хочется. Может, ты еще хуже меня... Вот додумался же голодом морить!

Дай пожрать, я голодный!

– Зачем на тебя припасы переводить? Решу оставить в живых, тогда и посмотрим.

– А я бы тебя покормил, – протянул вождь, поглядывая на Книжника. – Если бы не пристрелил сгоряча...

– А я не стану.

Тим на миг задумался.

– Хотя... Хочешь пожрать – ответь на мои вопросы!

– Да запросто! – изобразил радость Бегун. – Валяй, Червь! Спрашивай!

– Как ты выбрался из Лабь?

Бегун фыркнул.

– Тоже мне секрет! Там же все разворотило взрывом! Я вышел еще до того, как ты поднялся наверх. Да просто поперло! Меня от взрыва прикрыл здоровый железный шкаф. Обожгло, помяло, но не раздавило. Я и сознания не потерял, просто очумел от контузии.

– Жаль.

– Это кому как... – фыркнул вождь. – Как по мне, так все заебись!

– Где ты взял лекарство?

– Ты обронил в коридоре, – сказал Бегун. – Ты сам и обронил упаковку. Когда бежал к...

Он увидел, как окаменело лицо Книжника, и запнулся, но все же закончил фразу:

– Когда бежал к Белке. Я видел, как ты ее колот. Вот сюда, в шею.

Книжник молчал. На его щеках играли желваки.

– Сначала я прятался рядом с Лабой, в городе, – продолжил Бегун. – Потом меня чуть не поймали твои дружки, и я сбежал за ограду. Мне было так херово, думал, что сдохну там в кустах, возле Рейлы. Я блевал кровью и плевался зубами...

Вождь осклабился, глаза его нехорошо сверкнули.

– Как же я мечтал перегрызть тебе глотку, Червячок, и боялся, что не смогу это сделать без зубов! Я прямо чувствовал вкус и запах твоей крови! Я подышал, Червь, но понял, что не могу умереть, пока...

Он выдохнул и поднял на Книжника тяжелый, полный злобы взгляд.

– Пока я не доберусь до тебя! И я решил жить! Это просто, когда есть цель. Сначала я нашел жратву в кэрродже. А потом нашел защитный костюм и автомат возле Рейлы.

Бегун замолчал, опустил голову и прикрыл глаза. Теперь вождь выглядел спокойным, но Тим видел, как подергивается левая сторона его лица.

Солнце уже садилось за горизонт, и в закатном свете лицо вождя выглядело особенно устрашающе из-за резких теней – запекшиеся кровью губы, редкий частокол зубов. Он выглядел, как живой мертвец из старого комикса: омерзительно, но взгляд не отведешь!

– Я ждал тебя, – произнес вождь чуть погодя. – Я ждал, пока ты выйдешь из Вайсвилля, и я смогу тебя завалить! Я знал, что ты обязательно побежишь всех спасать! И уж тогда я тебя и...

Бегун засмеялся, закудахтал, постанывая от боли. Под ребрами резало, как бритвой, но он не мог сдержать смех.

– Ты же ебанутый, Книжник! Ты просто-напросто ебанутый! И, сука, еще и везучий... Тебя должны были убить в Парке сто раз. Я должен был сегодня снести тебе твою тупую башку с первого выстрела, но эта гребаная старая железяка с кривым стволом...

Он кивнул подбородком на лежащий в стороне автомат – виновник его промаха.

А Книжник невольно коснулся того места, где недавно была мочка уха, и поморщился.

– Тебя спасла лошадь, Червяк! Не твои умения, трахни меня Беспощадный! Меня заваляла гребаная кобыла! Не ты, а кобыла!

По щекам Бегуна потекли настоящие слезы. Он рыдал от обиды и бессилия, глотал кровавые сопли и разевал беззубый рот, как вытасенная на берег рыба.

– Пить дай! – крикнул он срывающимся голосом. – Ты обещал меня не пытаться! Дай воды, сука!

Книжник встал, не говоря ни слова, подошел к пленнику и сунул ему в лицо флягу с водой. Вождь присосался к горлышку, как голодный клоп.

– Попил? – спросил Тим спокойно. – Вот и хорошо... Что было дальше?

– Ничего, – буркнул Бегун.

Книжник качнул головой.

– Я не о том. Когда тебе стало плохо?

– А мне и не было хорошо! – огрызнулся Бегун. – Я ссал кровью! У меня половины зубов нет! Или так недостаточно херово?

– Ты живой, – сказал Книжник. – А это на одну жизнь больше, чем тебе положено. Она умерла, а ты, тварь, все еще живой...

– Я еще тебя переживу, Червяк.

– Посмотрим. Сколько инъекций ты сделал?

– Чего-чего я сделал? – презрительно протянул Бегун.

– Уколов, – пояснил Тим. – Сколько раз ты колол себе лекарство?

– Три.

– Когда Беспощадный вернулся в первый раз?

– В Горячих Землях. Меня скрутило так, что я дышать не мог.

– А когда во второй?

– Уже здесь.

– Третий?

– Полторы руки назад.

– Семь дней, значит? Каждые семь-восемь дней? Тебе все время одинаково плохо? – спросил Книжник. – Каждый раз одно и то же?

– Иди на хуй, – сказал Бегун и сплюнул под ноги кровавый сгусток. – Хочешь, чтобы я с тобой дальше говорил, – давай жратву и питье.

– Ты уже попил.

– Воды жаль?

– Всего для тебя жаль.

Стало совсем темно. Снаружи ночной сумрак разгонял свет восходящей луны, до нее еще не успели добраться наползающие со стороны болот облака, а в автобусе тени стали чернильными и заполнили все свободное пространство.

Книжник осмотрелся, не обращая внимания на злобные взгляды вождя, стреножил лошадь, чтобы не ушла далеко, сложил свой груз на одном из задних сидений и принялся устраиваться на ночь, примостив седло под голову. В автобусе было теплее, чем снаружи, но все равно очень холодно, даже в спальном мешке.

Тим покрутился немного, потом все-таки встал и накрыл вторым спальником Бегуна.

Тот ухмыльнулся.

– Что ж ты покойника жалеешь?

– Если что, то я тебя убью – не холод.

– Так развел бы костер, погрелись бы.

– Если огонь заметят, то мы не доживем до утра. У меня другие планы.

Бегун посмотрел на Книжника заплывшим глазом, над которым нависала рассеченная бровь.

– Срал я на твои планы, Книжник. Если бы она выбрала меня, а не тебя, – сказал он вкрадчиво, – то была бы жива. Это ты убил ее, Червячок.

Он ждал взрыва эмоций, но Тим просто смотрел на него стеклянным взглядом и молчал, ожидая продолжения спектакля.

– Ну, что ты на меня пялишься, удолбень? – крикнул вождь. – Ты убил ее! Понял! Будь челом! Отстрели мне яйца! Или хоть ударь меня!

На лице Книжника на миг отразилось желание выполнить просьбу, но он сдержался. Закрыв глаза, несколько раз глубоко вздохнул, а потом повернулся и залез в свой спальник.

– Утром я тебя покормлю, – пообещал Тим, устраиваясь в мешке поудобнее. – Советую поспать. Дорога длинная. Я тебя на горбу нести не собираюсь.

– Хер я с тобой куда пойду!

– Пойдешь, – сказал Книжник, закрывая глаза. – Не пойдешь целым – пойдешь по частям. Ты не сомневайся, Бегун, я сделаю, что обещаю.

Бегун снова засмеялся, на этот раз печально.

– Кто бы мне сказал, что это ты... Я бы ему в глаза плюнул!

– Привыкай, – отрезал Тим. – И закрой наконец-то свой поганый рот! Дай поспать!

– Сдохни первым, Книжник! – прошипел Бегун.

В темноте этого было не видно, но по щекам вождя, прожигая дорожки в корке запекшейся крови, лились горячие злые слезы бессилия.

Глава 5

Список мертвецов

К полудню туман рассеялся, и на низкое серое небо выползло мохнатое зимнее солнце, но теплее не стало. Все вокруг покрылось выпавшим под утро инеем, плотным и белым, как молочная пенка.

Выходить затемно не стоило, поэтому Книжник решил пуститься в путь только с рассветом, когда серый и плотный туман начал заползать в траву на обочинах.

Трава похрустывала под подошвами теплых ботинок (у Тима за всю его жизнь не было такой удобной обуви), и этот хруст был единственным звуком, нарушавшим осеннее безмолвие на заброшенном шоссе. Книжник помочился на колесо грузовика, не забывая еще один урок Белки: беспомощнее всего чел спящий и справляющий нужду.

Лошадка от холода не пострадала, казалась бодрой и отдохнувшей и охотно подставила под седло свою широкую спину. А вот Тим и Бегун за ночь продрогли до костей, несмотря на спальники. Книжник дал Бегуну оправиться, правда, под прицелом автомата и со стреноженными лодыжками, а потом снова стянул кисти вождя пластиковой лентой.

Завтрак вышел скудным и коротким. Припасы Книжник разделил поровну с пленником. Перемальвая зубами жесткое вяленое мясо, Тим прикинул остатки съестного и покачал головой. На том, что оставалось в рюкзаке, даже пару дней не протянуть. Выход один – охотится, но охотник из Книжника был еще тот! Он, конечно, научился ставить петли и мастерить ловушки еще в Парке, и рэббитов в этих местах было как грязи, но силки далеко не всегда полны, и если постоянно шариться по округе в поисках добычи, то тут недолго и самим стать дичью.

Пустоши – не место для беспечных. Заночуй дважды в одном месте – и оглянуться не успеешь, как прилетит в спину. В общем, с едой надо будет что-то решать, если не сегодня, то завтра. И это проблема номер раз. Второй проблемой был Бегун, и как решать ее, Книжник не знал.

Убить нельзя помиловать.

Классический случай, когда любое решение может оказаться ошибочным. Оставив Бегуна в живых, Книжник рисковал сам превратиться в добычу и закончить жизнь с перерезанной глоткой. Избавившись от опасной обузы, рисковал не узнать ничего нового о Беспощадном и снова оказаться в его власти в тот момент, когда спасение казалось таким близким!

Выбор на самом деле был прост: убить или оставить в живых?

Бегун с утра выглядел совсем плохо – бледный, с нездоровой отечностью на лице и заплывшими, красными, как у вольфодога, глазами. Удар в спину не прошел даром, и вождь Парка сегодня был слабо пригоден для пешего перехода. После коротких раздумий Книжник усадил Бегуна в седло, привязал кисти его рук к луке седла пластиковой стяжкой, пустил лошадь шагом, а сам размеренно зашагал рядом.

Бегун восседал на спине лошади с довольной физиономией и изредка отпускал в адрес Книжника ехидные замечания, словно проверял, насколько у того хватит терпения слушать подколы. Со стороны могло показаться, что по Пустошам путешествует компания добрых друзей, но на самом деле Книжник не расслаблялся и тщательно следил за тем, чтобы не схлопотать ногой по затылку.

Через несколько миль Бегун устал ерничать и сменил тон.

– Куда теперь? – спросил он, оглядываясь вокруг. – Снова в Таун через Сити?

Книжник молча пожал плечами. Маршрут очевиден, что тут обсуждать?

– Мимо Мэйн-Бридж ты все равно не пройдешь.

Книжник опять не ответил. Понятно, что пока не стал лед, другой переправы не будет.

Они сошли с хайвэя, который в этом месте делал широкую петлю, и двинулись на север по ложине, пролежавшей между несколькими внушительными холмами. Так можно было срезать путь на добрых пять миль и выйти на южные окраины Сити до темноты. Приходилось внимательно глядеть под ноги: земля была изрыта гоферами еще ранней осенью, и лошадь могла запросто сломать ногу, вступив в нору.

– Угровишь кобылу, – предупредил Бегун. – Тут яма на яме! Темп сбавь.

Книжник только хмыкнул.

– Дело твое. На горбу меня понесешь.

Книжник с ухмылкой оглянулся через плечо и снова ничего не сказал. Нести Бегуна на спине он явно не собирался.

– Раньше у тебя рот не закрывался, – продолжил Бегун и тут же спросил с деланным сочувствием: – Болееешь, наверное?

– Повзрослел, – буркнул Тим в ответ, даже не повернув головы в сторону пленника. – Да и говорить с тобой не о чем!

– А тебе больше не с кем! – хохотнул вождь. – Или со мной, или с лошастью!

Разговор был не по душе Книжнику, тон собеседника выводил его из себя, и это было именно то, чего добивался Бегун. Злость и раздражение – плохие советчики. Бегун очень хотел, чтобы Книжник допустил оплошность. Желательно – роковую.

– Я лучше с лошастью поговорю, – отозвался Тим. – Она поумнее.

Бегун обиделся или сделал вид, что обиделся, и на некоторое время умолк.

Теперь Тиму приходилось прокладывать тропу вверх, по поросшему жестким кустарником склону. Здесь нор гоферов стало гораздо меньше, зато идти мешала мелкая колючка, растущая повсюду. Подниматься пришлось долго. Книжник шагал размеренно, чтобы не сбить дыхание. Лошадь сопела, выбрасывая из ноздрей белый пар, но уверенно цеплялась подковами за скользкий заиндеветый склон.

На гребне их встретил резкий северный ветер, мгновенно пробравший всю компанию до костей. Дуло сильно, совсем по-зимнему, Книжник отчетливо уловил запах снега, прилетевший со стороны серо-сиреневых туч, клубящихся на горизонте. Тучи висели над городом – Сити вырастал из земли им навстречу. Правее виднелись небоскребы Тауна – едва заметные вертикальные черточки на фоне темного неба.

– Ну, и какой план? – спросил Бегун, глядя на расстилавшуюся перед ним равнину, порезанную лентой заросшего шоссе.

– Зачем тебе?

Книжник разглядывал Сити через половинку бинокля.

– Ты же меня с собой тащить собрался? Так хоть расскажи куда!

– Сначала ты расскажи о своих приступах.

Бегун ухмыльнулся.

– За еду и хорошее отношение – все что угодно, Книжник! Представляешь? Я готов работать за еду! Что нового ты хочешь услышать?

Книжник порылся в карманах и протянул вождю остатки лепешки, которыми собирался перекусить.

– Что ты чувствуешь, когда у тебя начинается? – спросил он.

– Что чувствую? – Бегун засмеялся. – Мне до усирачки страшно! Вот что я чувствую!

Книжник с недоумением посмотрел на пленника.

– Тоже мне, удивил! Всем страшно. Я не о том спросил... Есть какие-нибудь признаки того, что скрутит?

– Нет. Ну, за день до того может быть слегка херово, типа морозит, как при простуде. Руки могут дрожать. Ну, такое...

– Каждые семь дней одно и то же?

На этот раз плечами пожал Бегун.

– Одинаково. После укола в порядке, хоть с шаманами пляши, а потом, через полторы руки – как доской по морде. Бабах! И начинается. Понял?

Он дожеввал скудное угощение.

– Так какой план, Книжник?

– У меня в Сити лодка, – сообщил Книжник и слизнул с ладони крошки хлеба, завалившиеся в кармане. – Железная. Ночью можно добраться до порта. Я уже делал это. В смысле, плавал на лодке и туда, и обратно.

– А потом что?

– Посмотрим.

– Посмоооотрим! – протянул Бегун насмешливо. – У тебя, оказывается, офигенский план, Червячок! Зайти в Сити, сесть в лодку, переправиться в порт! А если жрицы по пути тебя поймают...

– Если жрицы нас поймают, Бегун... – поправил его Книжник, пряча бинокль в карман. – Тогда мы оба пойдем на корм Беспощадному! Тебя, как я помню, они любят так же нежно, как и меня. Или даже нежнее. Так что – выдохни! Поймают – не поймают... Это как выйдет, так выйдет! Все равно надо идти.

Он снова взял лошадь под уздцы, и они двинулись вниз, к широкой ленте многорядного шоссе.

– Это тебе туда надо, – проворчал Бегун. – Мне без надобности.

– Ошибаешься, вождь. Через семь дней ты подохнешь без укола, – сказал Книжник равнодушно. – Мне тебя даже убивать не надо – просто дать тебе пинка под зад! Захочешь – пойдешь к Беспощадному. Захочешь – застрелишься. Я бы застрелился, чтобы не глотать собственные зубы.

– Да ну тебя на хер, Червяк! – Бегун поежился, стараясь втянуть голову поглубже в плечи. – Все хотел тебя спросить... Как там в Парке? Ты же только оттуда? Кто там вместо меня?

– Весельчак теперь самый главный... – Книжник презрительно скривился. – Такой же гнус, как и ты...

Бегун хмыкнул.

– Ты не разбираешься в сортах говна, Червячок. Я, конечно, не подарок и та еще сука, но получше Весельчака. Гораздо! Потому, что я тебе понятен. Я враг, которого ты знаешь. Знаешь, что я могу вцепиться в горло. Знаешь, что я хитрый. Знаешь, что я умный! Чего лыбишься, Червь? Да, я умный, но не так, как ты, а по-другому! А Весельчака ты еще не понял. А когда поймешь – прозреешь. И полюбишь меня, как родного!

– То есть лучше иметь врагом тебя? – осведомился Книжник, оглядываясь.

Бегун кивнул.

– Точняк! Но помни: Весельчак далеко!

– А ты близко? Помню. И не надейся, – ослабил Книжник. – Нет у тебя шансов! Ты нужен мне, чтобы лучше понять Беспощадного. Пока нужен. Станешь ненужным – я тебя завалю. Дернешься – я тебя завалю. Попробуешь меня достать – я тебя завалю. Это ты, сука, научил меня убивать...

– Это она научила тебя убивать, – возразил Бегун тоном, не вызывающим сомнений. – Я пытался, но у меня не вышло! Уж как я тебя, дурака, воспитывал-воспитывал, а не получилось... А теперь ты вроде научился, но убить меня не можешь! Я тебе, оказывается, нужен! Значит, плакать не буду, мне крупно повезло.

Книжник оглянулся через плечо и бросил на пленника быстрый взгляд. Любви в этом взгляде не было, впрочем, Бегун и не надеялся увидеть в нем любовь. Зато с ненавистью был

полный порядок. Она кипела и переливалась через край! Вождь почувствовал, как его обдаёт ледяной волной злобы, от которой поневоле хотелось слиться с пейзажем.

Когда Тим отвернулся, Бегун тайком перевел дыхание.

Он никогда никого не боялся – боялись его. И сейчас это было не осознанное, а чисто инстинктивное чувство страха. Как будто он оступился, перебираясь через пропасть. Или сорвался с крыши. Или безоружным остался с пумой один на один.

Червь не просто изменился. Нельзя так измениться за несколько лун! Он стал другим. И инстинкт подсказывал Бегуну, что этот другой чел может пожалеть кого угодно, но его – вождя Паркового племени – он не пожалеет.

Склон оказался не особенно крутым, но скользким, и спускаться приходилось с большой осторожностью. Лететь вниз на заднице представлялось Книжнику сомнительным удовольствием. А делать такой кульбит вместе с лошадей, грузом и Бегуном, прикрученным к седлу, – вдвойне сомнительным.

– Ты умеешь считать? – внезапно спросил Тим, нащупывая подошвой тропу.

Бегун гордо выпятил оцарапанный подбородок.

– Умею.

– Ну и хорошо. Давай-ка я объясню тебе твои планы. А потом перейдем к моим, если надо будет. Каждые семь дней тебе нужен укол антидота...

– Чего?...

– Лекарства, Бегун. Вакцины. Один укол в семь дней, чтобы ты жил. Это четыре укола за луну. Пять полных рук и еще два укола от зимы до зимы. Это пять полных рук и еще два чела или герлы, которых можно спасти от Беспощадного. Пятьдесят два чела, конечно, не таких понятных мне, как ты, но явно не хуже тебя. Понимаешь, Бегун? Пять полных рук и еще две жизни за одну твою. Это много. Пока ты живешь, они умирают.

Бегун молчал. Книжник тоже молчал и не оглядывался. Они уже почти спустились на дно лощины. До шоссе оставалось меньше трехсот ярдов по прямой, и тогда Книжник заговорил:

– Мне нужно понять, что с тобой происходит, Бегун. Почему антидот на тебя не подействовал, как надо? Если ты один такой, то это не беда. Тебе просто не повезло... Так с какого хера тебе в общем-то должно везти? А вот если таких, как ты, много... Тогда это настоящая беда для всех в этой части мира. Твоя жизнь – ничто, Бегун. Ты должен был подохнуть еще в Лабе. Ты заслужил смерть и живешь, потому что я так решил.

– Кто ты такой, чтобы решать такое, Червь?

– Я тот, у кого есть лекарство, вождь. А ты – тот, у кого его нет.

Лошадь радостно фыркнула и зашагала по ровному.

Книжник ощутил запах воды – холодной осенней воды, смешанный с резким ароматом подгнивающих водорослей. Почва под ногами захлюпала влагой, и они вышли на берег небольшого ручья, журчащего над покосившимся дорожным ограждением.

– Где ты ночевал перед тем, как мы встретились, Книжник? – спросил Бегун без обычного ерничанья.

– Зачем тебе?

– Ну, скажи...

– На сожженной ферме.

Бегун довольно кивнул.

– На ферме Тома?

Тим остановился и повернулся к собеседнику. Лицо его сохраняло спокойное выражение, но глаза выдавали. Они горели такой неприязнью к пленнику, что тому невольно стало не по себе.

– Да, на ферме Тома.

– Я сам там, конечно, не был, но Резаный говорил мне, что Тома убили. И рассказывал мне, кто убил. Я сам потом видел его жену, уж не помню, как ее звали. Маленькая такая, брюхатая...

– Ее звали Ева, – сказал Книжник изменившимся голосом.

– Хорошая память, – кивнул Бегун. – Ева, значит. Запомню. Хотя, нах мне надо помнить имя покойницы? Ну, раз ты помнишь, как ее звали, Червяк, то, наверное, скажешь мне, кто убил ее мужа? Или тебе напомнить?

– У нас не было другого выхода...

– Все так говорят, Книжник, – Бегун скривил израненное лицо в усмешке, должной означать иронию. Получилось жутковато. – Веришь, каждый раз, когда я кого-то убивал, у меня не было другого выхода. Или я его просто не искал. Правда, мне-то было насрать, что выхода у меня нет. Но это же результата не меняет? Выхода нет у тебя, а в результате умирает Том. Или Джек. Или Бэзил. Ева мертва. Я думаю, их с Томом дети тоже мертвы. А выхода не было у тебя и этой безумной рыжей суки... Обхохочешься!

Книжник молчал.

– Да, я уверен, что убивал не ты, – продолжал Бегун. – Убивала Белка. Она умела и любила убивать. Это у нее получалось лучше всего!

Тим вскинулся, как от пощечины.

– Да, она умела убивать. Умела, но не любила.

– А ту герлу в Стейшене кто сбросил с галереи? Тоже она и совершенно случайно? Или ее уже ты пихнул?

– У нас не было другого выхода... – повторил Книжник упрямо.

– Ты уже это сказал, Червячок. Так как спалось тебе на ферме? Мертвый хозяин в гости не заходил? Жаль... Это ведь ты превратил ферму в пепелище! Твоя работа, добрый ты наш! Чем мое кладбище лучше твоего? Скольких вы убили в Библиотеке, Книжник, когда твоя подружка взорвала дверь? Скольких ухайдокали в Стейшене? Скольких положили в Лабе? Оглянись, блядь! За тобой марширует толпа твоих собственных мертвецов! Их сколько? Пять полных рук и еще двое? Или больше? Помочь посчитать? Тех, кого настрогала Белка, тебе зачтем?

Лошадь шагнула в ручей и шумно хлебнула из темного прозрачного потока.

– Добрый – значит, мертвый, – сказал Книжник. – Ты, наверное, прав, Бегун. Но я тебя за эту правду не убью. Будешь жить, пока я не решу иначе. А решу иначе – сдохнешь первым! Уж это я точно переживу.

В руках у него сверкнул тесак – огромный, с тяжелым матовым лезвием, – и Бегун сразу вспомнил, чей это тесак. Тим взмахнул ножом, Бегун невольно отпрянул. Лезвие просвистело совсем рядом с его животом. Он уже представил, как заточенная сталь вспарывает ему брюшину и из раны вываливаются кольца кишок. Как кровь заливает ему бедра и колени...

Увернуться он не мог, пути прочно удерживали его на месте. Нож сверкнул в опасной близости от паха, но...

Пластиковый хомут, стягивающий кисти, мгновенно лопнул под напором стали, вождь качнулся в седле, навалившись на луку грудью. Он изо всех сил старался не показать своего страха, но Книжника, похоже, совершенно не интересовали эмоции пленника.

– Слезай, – приказал он и взял Бегуна на прицел. – Пусть лошадь отдохнет, устала, наверное, таскать на спине такое говно, как ты. Слезай и сядь вон там!

Он стволом автомата показал место, куда полагалось сесть Бегуну, и тот беспрекословно подчинился.

– Скоро поедем дальше, – сообщил Книжник, усаживаясь напротив. – До заката нам надо быть на переправе.

Глава 6

Что несет река...

Погода для предзимья стояла необычно холодная.

Северный ветер выдувал из окраин Сити последние капли осени и делал это почти на пол-луны раньше, чем в предыдущие годы. Над Даун-тауном с утра стоял плотный туман, больше смахивающий на дым от горящей мокрой листвы. Смотреть можно было не опасаться. Им туман мешал так же, как и Книжнику, пытавшемуся рассмотреть хоть что-то в свой монокуляр. Линзы упирались в молочно-белую клубящуюся стену, за которой даже самый зоркий взгляд не мог ничего разглядеть.

В общем передвигаться приходилось очень осторожно, как на ощупь, что Тим и делал со всем старанием. Этой дорогой через пригороды Сити он еще не ходил. Рухнувшие здания здесь встречались реже, чем на основном тракте, зато ветхие – на каждом шагу. Вот, вздохни неловко – и все! – развалятся на части, придавив невезучих прохожих.

В этих кварталах Сити выглядел даже не мертвым, а уж скорее гниющим заживо. Деревья, ползучие растения, кустарники и высокая лоза прорастали сквозь крыши и стены, крошили старый бетон, вгрызались зубами корней в остатки оконных проемов. Тротуары были буквально взорваны травой, одинаково легко крушившей и асфальт, и бетонную плитку. Еще зима, а может, две или три, если повезет – и дома начнут разваливаться один за другим, оставляя проплешины в плотно застроенных улицах. Весной развалины затянет новой буйной зеленью, а через пару лет на этом месте поднимутся деревья... Проржавеют до бурой пыли корабли в порту, рухнут чудом стоящие до сего времени мосты, осыплются в воду набережные и пирсы.

Не важно, сколько лет еще природа будет брать свое – пять, десять или пятнадцать... А может, и сто! Но рано или поздно люди проиграют эту войну. И все, что они построили, создали, придумали и сделали, канет в Лету. Остатки старого мира превращались в труху на глазах у Книжника. Перегнивали, становились компостом для растущего на развалинах нового мира, в котором не было места ни самим челам, ни творениям их рук.

Мир без людей, без зданий, без книг. Мир, принадлежащий животным, растениям, рыбам и птицам. Возможно, он будет лучше мира человека, но Тима это почему-то не радовало.

До темноты Книжник разыскал нужный ему квартал, проверил, не приходил ли кто в дом за время его отсутствия, и ничьих следов не нашел. Лошадь не хотела идти в дом, но Тим уговорами и хлебными крошками заманил ее внутрь. Сразу после того, как он притворил тяжелую дверь, на город упали короткие зимние сумерки, а еще через несколько минут все вокруг накрыла тяжелая беззвездная тьма.

Дом словно ждал их прихода.

Конечно же, здесь было сыро, пахло прелым, по углам выступала плесень, и лишайник карабкался на облезлые стены, но как только над головой появилась крыша, ощущение того, что мир рушится, показалось блажью. Как ни странно, но Тиму даже пришло в голову слово «уют». Хотя какой уж тут уют...

В подвале, где они устроились на ночлег, можно было не опасаться, что огонь увидят, и Книжник сразу же развел небольшой костер. По стенам из красного кирпича метались быстрые тени, трещали в пламени остатки старой мебели, рождая тепло и сладкую дрему, и даже лента вяленого мяса, о которую впору было сломать зубы, казалась мягкой и вкусной.

И они уснули в тепле под фырканье дремлющей лошади.

Утро встретило их ледяной крупой, летящей с неба, пронзительным ветром и зимним холодом. После скудного завтрака Тим исчез на некоторое время и приволок из развалин еще одну сумку с вакциной.

Бегун хмыкнул.

– И много у тебя такого добра по округе спрятано?

– Достаточно, – отозвался Книжник. – Но меньше, чем хотелось бы...

Он явно был не в настроении.

– Поднимайся, пойдешь со мной.

Бегун не стал перечить.

Книжник проверил стяжку на его руках и стволом автомата указал куда идти.

Двести ярдов, пройденные по переулку до берега, показались Бегуну целой милей. Ветер давил на них, резал до слез глаза, щеки горели от мелкой ледяной крошки.

С первого взгляда на реку стало понятно, что они опоздали.

– Лодка, говоришь? – Бегун потер связанными кистями кончик покрасневшего от сырости и холода носа. – Думаю, с лодкой ты погорячился.

Место для переправы казалось идеальным: русло Гранд-Ривер здесь было нешироким, противоположный берег – пологим, вот только зима по поводу переправы имела свое мнение. У берега вода взялась льдом, а ближе к середине, там, где течение было сильнее, серый, еще тонкий лед шел черными проплешинами.

– Надо пробовать, – сказал Книжник. – Лед еще рыхлый, лодка тяжелая... Можно проломить.

– Ну, пробуй... – Бегун презрительно дернул плечом. – Ты у нас самый умный, дерзай. Я бы подождал пару ночей и перешел бы вон там...

Он указал подбородком на место на речном русле, где ледовые языки, тянувшиеся с противоположных берегов, почти соприкасались, и продолжил:

– Вместе с лошадьё и как по сухому.

Книжник задумался.

– Еще две ночи в Сити... А если нас засекут?

– Тут такой туман, что собственной жопы не видать... Забьемся в нору. Кто нас в подвале засечет? Вот если туман рассеется или солнце выйдет, а мы будем шастать по улицам, тогда...

Он с опаской глянул в небо.

– Пересидеть две ночи лучше, чем провалиться под лед, Червячок.

– Что-то ты стал сильно смиренным, – Тим с недоверием глянул на вождя. – Советы даешь. С чего бы это?

Бегун присел на корточки, отломил кусок льда связанными руками, куснул и сплюнул в сторону ледяную крошку.

– Не от любви к тебе, Червячок. Твои дела мне похуй, уж поверь. Но попасть в лапы к жрицам – это засада. Им все равно, кому отрезать яйца. Поймают нас двоих, так двоим и отчекрыжат по самые... Айши больше нет, пожаловаться некому. Знаешь, что они делают с пришлыми в Зале Жертв?

– Никто никогда не был в Зале Жертв, – заметил Книжник резонно. – Откуда мне знать?

– Никто никогда не выходил оттуда живым. Некому рассказывать. Но тела я видел, и лучше бы я их не видел.

Бегун сплюнул в сторону и что-то пробормотал, упомянув Беспощадного.

– Так как теперь у нас ты старший, а я – просто пленный, то советую быстренько отсюда слинять и подождать две ночи в теплом доме! Спасай свою дырявую шкуру, Книжный Червь, и не забудь о моей!

Вождь хихикнул, но как-то странно, словно подавился смехом. Книжник посмотрел на замершего Бегуна, потом на реку, с которой вождь не сводил взгляд.

Там, где темные холодные воды еще не успел сковать лед, плыло мертвое тело. Голое мертвое тело. Книжник невольно шагнул вперед, давя новенькими ботинками хрупкую кружевную корку у берега. Испорченное ночным чтением зрение не давало ему рассмотреть детали, и, наверное, это было хорошо.

Плывущую по течению жрицу (судя по обилию татуировок на бледной обескровленной коже, это была именно жрица) выпотрошили, как рыбу: вспороли от горла и до паха. Течение несло ее головой вперед, и кишки тянулись за ней, словно щупальца, вились скользкой бахромой у бедер и между ног.

– Это еще что за хуйня? – хрипло прокаркал Бегун. – Ты тоже ее видишь?

Тим не ответил, а мертвое тело, словно услышав слова вождя, медленно перевернулось, показав небу и им двоим спину с искусно наколотым между лопатками глазом.

– Смотрец, – выдохнул Бегун. – Да сожри меня Беспощадный! Мертвый смотрец!

Труп жрицы медленно проплывал мимо, но Книжник уже смотрел на следующего мертвеца, качающегося на черной речной воде.

Это был воин Сити, тоже выпотрошенный, с разваленной до переносицы головой. Он плыл на спине, так же опутанный собственными кишками и с зияющей раной на месте гениталий.

– Как из Зала Жертв, – произнес бывший вождь Паркового племени, и в голосе его звучал неподдельный страх. – Жрицы кастрируют чужих согласно обычаю... Но это не чужой. Что там, блядь, произошло?

Он с опаской посмотрел в сторону Даун-тауна, невидимого за стеной тумана.

– Что там, блядь, произошло, если жрицы приносят в жертву жриц и убивают собственных стражей?

На фарватер вынесло еще одного местного вэрриора, разделанного крест-накрест. За ним показались два тела, переплетенных, словно в любовном объятии.

Книжник невольно попятился. Он был бледен, хотя держал себя в руках.

– Я не знаю, что стряслось, но это не жрицы убивают друг друга. Это кто-то...

– ...убивает жриц, – продолжил за него Бегун. – Я тоже так подумал. В Сити серьезная резня. Это же жрицы, а не жертвенные куры, которых можно резать десятками!

Глаза вождя забегали. Еще недавно Книжнику было сложно представить себе насмерть перепуганного Бегуна, но теперь он видел это своими глазами.

– Ты же сам знаешь, Червь! Ты же знаешь, кто такие жрицы Сити?! Их не взять голыми руками! Их, блядь, вообще не взять в их логове!

Тел на фарватере все прибавлялось и прибавлялось. Мертвецы плыли один за другим, и Книжник уже не мог сказать, скольких несут ледяные воды Гранд-Ривер.

– Значит, их взяли не голыми руками, – сказал Тим, окончательно приходя в себя. Он тоже был испуган до коллик, но страх в глазах Бегуна придал ему сил и хладнокровия. Кто-то должен был оставаться при памяти. Кто-то должен найти правильное решение. – Отсюда до Даун-тауна не так далеко. Их бросили в реку чуть больше часа назад.

– Кто мог такое сделать?

Книжник никогда не питал симпатий к соседнему племени. Ни сейчас, ни тогда, когда участвовал в набеге на Сити, будучи молодым и глупым тинном.

Жрицы Сити славились жестокостью и коварством, и его личный враг – Айша – была ярким представителем этой проклятой породы. Просто тот, кто смог сделать такое с правителями Сити, был более жесток и страшен, чем служительницы культа Беспощадного. И Книжнику было сложно представить силу и безжалостность того, кто учинил расправу над хозяевами этих мест.

Он отчетливо слышал принесенный ветром запах гари. Едва различимый, но все-таки отчетливый запах пожара, бушующего вдалеке. Вождь был прав: в Сити случилась резня.

– Не хочу туда соваться, – проскрипел Бегун пересошим горлом. – Я, сука, и думать об этом не хочу!

Он откашлялся и сплюнул в реку густую бурую мокроту.

– Если мы, трахни меня Беспощадный, хотим жить, – сказал Книжник, – то нам придется это сделать.

Глава 7

Город Крыс

– Мы оба сохнем, Книжный Червь, – повторил Бегун. – Мы оба сохнем, тупая ты скотина! Развяжи меня!

Книжник покачал головой.

Он с трудом находил дорогу в тумане. Чтобы не заблудиться, приходилось идти строго вдоль реки, а это удлиняло путь к центру на тысячи ярдов.

Промышленная зона давно закончилась, верхаузы сменили приземистые здания из красного кирпича с небольшими окнами, похожими на бойницы. По берегу зазмеились остатки двухрядного шоссе, за годы превращенные рекой в узкую бетонную кромку у самого уреза воды.

Лошадь, чувствующая общее настроение, понуро плелась за Книжником, а привязанный к седлу Бегун вот уже полчаса подряд ныл, требуя у Книжника свободу и автомат. Дать ему волю и оружие вовсе не казалось Тиму хорошей идеей, скорее напоминало странный метод самоубийства.

По реке по-прежнему плыли тела, только теперь их стало меньше. Несколько трупов болталось на зыби у самого берега. Тим старался на них не смотреть, чтобы не потерять самообладание.

– Развяжи меня, Червяк! Подумай своей пустой башкой – я же на твоей стороне!

– Перестань гундосить, – попросил Книжник. – Хочешь жить – так смотри вокруг внимательно и слушай!

– Что слушать? – огрызнулся Бегун. – Что тут, блядь, можно услышать? Как мне башку отстрелят? Ты дурак, Червь. Ты ни хрена не соображаешь! Лошадь топает! Ты дышишь, как пиг-отец, вода шумит! А мне надо слушать?

– Да заткнись ты наконец! – не выдержал Тим. – Закрой рот, иначе я тебе его заткну! Еще раз крикнешь и получишь прикладом!

Бегун стрельнул в него ненавидящим взглядом, глаз из-под нависшей брови сверкнул и вновь закрылся опухшим веком. Вождь буркнул что-то неразборчивое и – слава Беспощадному! – замолчал.

Книжник придержал лошадь. Она действительно громко топала.

Усиливающийся запах гари забивал все. Даже сырость от реки не так чувствовалась в воздухе, хотя они остановились на самом берегу. Было тихо, очень тихо. Слышно было, как вода журчит, перекатываясь через обледенелые глыбы бетона, торчащие из воды ближе к фарватеру.

И еще Тиму показалось, что очень далеко кто-то заходится в крике. Он не мог утверждать, что слышит именно крик, скорее то, что он уловил, звучало как пронзительный комариный писк, но ощущение создалось чрезвычайно поганое. Кто-то умирал в нескольких блоках от них. Умирал плохой смертью. И такая же судьба ожидала их. Нужно было немедленно бежать. Бежать без оглядки из этого гребаного Сити!

Тим чувствовал опасность, но не мог определить, что именно им грозит. В книгах такое ощущение называли бы «смутной тревогой» или еще красивее, но, если говорить проще, Тиму от предчувствия неизбежной беды было страшно до поноса. От этой жути сводило челюсти, мочевой пузырь наполнялся желтым горячим страхом и кишечник сводило судорогой.

Больше всего Книжнику хотелось найти какое-нибудь укромное место, спрятаться и не высовывать наружу носа, пока все не наладится! Но он знал: само по себе ничего не наладится. Да и с его помощью тоже вряд ли. Но показывать слабость и сомнения Бегуну нельзя. Бегун

должен знать только одно: все под контролем, и он в том числе. И если вождь попробует сделать что-либо поперек воли Книжника, то ему пиздец.

Все. Без вариантов.

– Я оставлю тебя здесь, – Книжник поискал глазами место, чтобы привязать лошадь, нашел и набросил поводья на согнутую трубу, торчавшую из-под бетонного завала. – Схожу-ка я посмотрю, что там к чему...

– Ты реально сдурел? – спросил Бегун совершенно серьезно. – Ты оставишь меня здесь? Связанного? Ну так лучше застрели меня сразу, Червь. Зачем тянуть?

– Мне не нравится, когда ты за спиной, вождь. Особенно с оружием.

– А ты не подумал, что я за спиной – это куда лучше, чем те, кто вырезал жриц?

– Тех я пока в глаза не видел, а тебя я знаю, – ответил Книжник, проверяя автомат. – Не бзди, Бегун. Я скоро буду.

– Как ты, удалбень, дотянул до таких лет? – вождь покачал головой. – Дураки так долго не живут, а у тебя получилось...

– Так, может, я не такой дурак? – спросил Тим. – Подумай на досуге. Полезно иногда шевелить мозгами. Если они есть, конечно.

– Тебя там завалят в одиночку...

– Это мы поглядим.

На самом деле Книжник боялся. Он до смерти боялся того, что может увидеть, выйдя из тумана. Но бояться и показать, что ты боишься своему врагу, – совсем разные вещи. Бегуна удерживали веревки, но еще его держала в плену уверенность в том, что Книжника ему не одолеть. Пусть он и остается в такой уверенности.

Книжник дослал патрон в патронник и зашагал от берега.

Если тех, чьи тела плыли по реке, убивали неподалеку от кромки воды, то подбираться к этому месту лучше по параллельной улице, чтобы не нарваться на выстрел в лицо. Тим смутно помнил расположение улиц в Сити, но направление выбрал правильное. До Даун-тауна оставалось полмили, и если бы не туман, то он бы уже видел над головой нависающие небоскребы.

«Нужно осмотреться, а уже потом решать, что делать дальше, – подумал Тим. – Неплохо будет послушать и вождя. Бегун хоть и законченная тварь, но далеко не глуп».

О том, что будет, если, вернувшись, он не найдет на месте ни лошади с грузом вакцины, ни Бегуна, Книжник предпочел не думать.

Место казни он нашел по алому следу, пересекавшему улицу.

Кого-то, истекающего кровью, здесь волокли к реке, обильно пачкая красным и жухлую траву, и каменную крошку, через которую она пробивалась. Книжник повернул налево и пошел по страшному следу, держа автомат наизготовку. Сердце билось в горле с пугающей силой и частотой, мочевой пузырь разрывало на части.

Через несколько минут ходьбы он снова оказался на берегу Гранд-Ривер.

Место было похоже на небольшой порт, гораздо меньше того, что располагался ниже по течению. Здесь тоже когда-то причаливали суда – несколько полуразрушенных низких пирсов торчали из воды, словно хребты мертвых гигантских снежков. На берегу виднелась круглая бетонная площадка да развалины каких-то легких павильонов – от них остались только странные металлические конструкции, похожие на поломанные ребра.

Круглая бетонная площадка, нависающая над рекой, была зачем-то выкрашена красным. Книжник остановился. Запах крови был настолько силен, что перекрыл все прочие запахи. Так должна была пахнуть смерть. Или сам Беспощадный.

Старый крошащийся бетон был густо залит алой, уже загустевшей жидкостью. На ней отпечатались сотни следов – разные размеры ног, рисунки подошв. Кое-где виднелись прилипшие к камню кусочки плоти, обрывки одежды. Вот отпечаток чьей-то ладони – кого-то волокли, вот клочок волос. Особенно поразило Книжника раздавленное глазное яблоко, лежа-

щее неподалеку от россыпи выбитых зубов. Он присел на корточки и, преодолевая позывы к рвоте, заглянул через край площадки в воду.

Он рад был ошибиться, но не ошибся. Внизу лежали мертвые тела. Много мертвых тел. Очень много. Похоже, что все племя Сити пало жертвой какого-то безумного резчика. Жрицы, вэрриоры, тины, герлы, пеоны – куча нашинкованной, разъятой на части плоти – плоды труда сбрендившего мясника. Здесь не казнили: казнь – это все-таки ритуал. Здесь просто с удовольствием рубили людей на куски, имитируя ритуал. Всех, кто попался под руку, без исключения.

«Почему никто не сопротивлялся? – Книжник закрыл рот и нос ладонью, чтобы не дышать тяжелым кровавым духом. – Не могло же быть, чтобы они просто подставили головы под топоры!»

Те, что сопротивлялись, нашлись чуть дальше, в длинном, как кишка, ангаре с хорошо сохранившейся крышей. Из его приоткрытых ворот выплывали алые языки уже свернувшейся крови. Тим никогда не видел столько крови и столько мертвых, хотя немало повидал в своей жизни.

В ангаре был бой, если избиение можно назвать боем. Вокруг валялись сотни пулеметных гильз, а на земле виднелись следы колес на резиновом ходу. Металлические стены ангара напоминали решето. Отряд вэрриоров Сити думал отстреливаться из укрытия, но для пулемета тонкие металлические стены не препятствие. И прицельный огонь тут не нужен.

Тим присел, рассматривая следы.

Узкие передние колеса. Задние чуть шире. Отпечатки лошадиных копыт. Лошади подкованы. Три повозки, как минимум.

Это ган-кары.

Ган-кары и пулеметы – что еще нужно для победы? Книжник отлично помнил, кому достались по наследству ган-кары фермерской охраны.

Но зачем воинам Тауна убивать племя Сити, прикрывающее их от набегов Парка? Своих соседей, с которыми они худо-бедно жили в мире? Кто и как выкурил жриц и вэрриоров из высотных домов, где так удобно держать оборону?

Ответ Тиму подсказало обоняние – запах свежей гари, висевший в холодном воздухе. Такой плотный – хоть кусай его.

Огонь. Внезапность. Безжалостность.

Жрицы не ждали удара Тауна. Их постоянное противостояние с соседями было формой сотрудничества. В мире нуждались обе стороны, мир был выгоден. Можно ненавидеть, не доверять, но при том соблюдать равновесие. Иногда цапаться, но торговать, меняться ништяками и вместе держать оборону, если придется.

Так думала Айша после того, как не смогла избавиться от Косолапого. Так думали Косолапый с Сиплым, потому что не смогли одолеть Айшу.

Когда ты не можешь убить врага, мир с ним – годная штука.

Новые хозяева Тауна так не думали. Любой мир хрупок и ненадежен. Один удачный выстрел – и его нет. Первый лед и тот прочнее.

Жрицы покинули пылающие дома и отчаянно сопротивлялись, пока нападающие не прижали их к реке. Здесь воительниц ждала засада. С одной стороны – ледяная река, с другой – путь к бегству перекрыли конные повозки. После того как заговорили пулеметы с подросших ган-каров и сотни обитателей Сити пали под огненными плетьюми, выжившие сдались на милость победителей. Но в планы победителей никого жалеть не входило.

Выжившие в этой резне сами придут на Мейн-Бридж через луну-другую. Присоединиться к сильному – единственный способ дожить до весны. Банды Тауна с удовольствием возьмут бывших воительниц под свое крыло и превратят их в стадо, единственное предназначение которого – улаживать челов, рожать и прислуживать.

Если бы Тима спросили, кто заслуживает смерти, а кто достоин жить дальше, то между жестокосердными жрицами Сити и законченными отморозками из Тауна Книжник выбрал бы жрицу. Но выбирать не пришлось.

Племени Сити больше не существовало.

За спиной Книжника раздался едва слышный шум. Он не мог ошибиться: сзади кто-то осторожно передвигался.

Ладони Тима мгновенно стали влажными, волосы на загривке зашевелились. Он нащупал в кармане фонарик и развернулся, выставив его вперед, как пистолет, судорожно нажимая на рычаг динамо-машины. Луч заметался по телам, попал на стену, снова опустился вниз, и в мерцающем свете древней лампочки вспыхнули яркими искорками десятки маленьких глаз, уставившихся на незваного гостя. Блеснули мелкие, острые, как бритвы, зубы, и крысы, а это были они, бросились врассыпную с оглушительным писком. Тим повел фонариком из стороны в сторону, освещая съеденные лица, обгрызенные носы, уши, пальцы...

Это было слишком даже для него. Тим согнулся вдвое, и его стошнило желчью.

В Парке крысы были настоящей напастью, особенно в голодные зимы. Они не раз калечили бэбиков и могли укусить любого, кто попадался им на пути, так что в свое время Книжник навиделся разного и ненавидел этих тварей до судорог. Крысы, вольфодогы, фоксы будут жрать трупы челов и растаскивать кости по норам, ничего не боясь, как настоящие хозяева этих мест.

Они и станут хозяевами этих мест, Беспощадный их заберет! Теперь это был их город. Не Парковых, не кровожадных жриц и даже не убийц из Тауна.

Город Крыс – вот как будет называться Сити после этой зимы.

Он вытер рот и выпрямился как раз в тот момент, когда в проеме ворот возникли несколько человеческих силуэтов.

Глава 8

Сибилла

Книжник знал, что страх – плохой советчик. Что очень важно сделать маленькую паузу перед тем, как сделаешь глупость, и тогда, возможно, ты ее не сделаешь!

Крошечную паузу – буквально на три удара сердца! Посчитать до трех. Медленно. И это спасет твою жизнь!

Есть другой способ выжить – довериться инстинктам. Довериться сразу, без пауз и раздумий. Это как прыгнуть с обрыва в ведро с водой, положившись на удачу. Тоже вариант, но у Тима по жизни с инстинктами как-то не задалось. Разум, будь он неладен, всегда одолевал рефлексы.

Он не бросился бежать, как подсказывал ему вскипевший в крови адреналин. Он не метнулся вперед, паля в пришельцев от живота. Он спрятался в густой тени за воротами, как улитка в домик, и принялся считать про себя удары сердца, регулируя прерывистое дыхание.

Белка бы им гордилась. Наверное.

Раз... два! Вдохнуть и выдохнуть. Раз... два. Он слышал свое сердце. Оно стучало, как боевые барабаны Парка. Слишком громко! Слишком!

Тим ощущал, как воняют трое, скрытые от него ржавым металлом ворот.

От них несло немытым телом, кровью и порохом – запахом смерти. Знакомым до боли запахом. Под подошвами ботинок троицы оглушительно хрустела каменная крошка.

Книжник погладил затвор автомата и зажмурился, собирая в кулак волю, смелость и все остальное, что можно собрать в кулак, когда начинаешь потеть от страха. Настоящий страх нельзя было побороть, его можно только загнать поглубже и следить, чтобы не вырвался и не натворил дел.

Книжник боялся. Он знал, что придется убивать или быть убитым, и боялся до дрожи в коленях. Это перед Белкой ему стыдно было праздновать труса, а перед самим собой стесняться нечего. Он такой, какой есть – трус и неумеха. Но он сделает все, что нужно, чтобы остаться в живых и победить. Все, что нужно. Абсолютно все.

Он медленно и на этот раз бесшумно выдохнул. Сердце перестало грохотать, ладони высохли. Книжник улыбнулся сам себе, и если бы кто-то из троих, стоявших за воротами, увидел эту улыбку... Но никто из них не видел Тима. Хотя они были рядом, совсем рядом, буквально в нескольких футах от него. Тим осторожно переместился еще на ярд левее и полностью скрылся в густой тени у самой стены: исчез из виду, словно нырнув с головой в черную болотную жижу.

В его распоряжении было всего одно преимущество – внезапность. Другого не было и не намечалось. Но внезапность может быть очень опасным оружием.

Книжник находился в нескольких футах от трех опытных бойцов, и не имел ни единого шанса убраться по-тихому. Сейчас он просто мышь, на беду забравшаяся в коробку. Правда, крупная и неплохо вооруженная мышь. А эти трое и понятия не имеют, что в нескольких шагах от них притаилась смерть!

«И это очень хорошо, – подумал Книжник, продолжая скалиться в темноте. – Тем проще мне будет отправить их на встречу к Беспощадному».

– Она здесь!

Наверное, один из троих пнул ворота ногой, металл загремел, створка заходила ходуном, и Тим вздрогнул от неожиданно громкого звука.

– Да нет ее здесь! Сбежала сука! Тут только мертвяки, которых вчера кончили... – отозвался второй голос. – Вот сколько кровищи натекло!

Тембр речи у этого второго был настолько неприятный, визгливо-дребезжащий, что от звуков его голоса по спине Книжника прокатилась холодная волна омерзения.

– Ей больше деваться некуда, – возразил тот, кто говорил первым. – Только сюда... Глаз, что скажешь? Есть следы?

– Следов много, – буркнул тот, кого звали Глаз. – Натоптали, блядь. Как тут что разрешишь?

Звякнул металл о камень, что-то негромко хрустнуло.

– Следы свежие? – спросил второй голос.

– Тут все, блядь, теперь несвежее, – ответил Глаз и пренебрежительно фыркнул. – Ты как сказанешь, Зайка... Я ж, сука, тебе не вольфодог, в этом фарше что-то унюхать! Намолотили, бля, а мне ковыряйся! Зачем тебе эта тварь, Бидон? Зимой сама прибежит, за картофелину сосать будет!

– Твое дело не пиз...ть, а смотреть внимательно! – огрызнулся Бидон. – Ищи следы, Глаз, хорошо ищи! Она в меня стреляла! Найду и порву на клочья!

– Пизду ты ей порвешь на клочья! – хохотнул Зайка. – Если поймаешь!

– Так! – отрезал Бидон. Он явно был старшим в тройке и не привык, чтобы с ним пререкались. – Пасть свою поганую завали, Зайка, и делай, что сказано! Пойдешь справа. Я – слева. Глаз – ты прикрываешь.

Книжник поднял автомат. Все решено, они входят.

Зрение Тима уже адаптировалось к полутьме ангара, а у этих троих – нет. Промазать из автомата с расстояния пяти-семи футов надо суметь, даже с такими, как у Книжника, талантами к стрельбе. Главное, чтобы они не увидели его до первого выстрела.

– Бляяаяядь, – выговорил Зайка плачущим голосом. – Ты смотри, сколько здесь крыс... Я сейчас сблую...

– Потом блевать будешь! Пошел!

Чья-то тень легла поперек проема. Щелкнул одиночный выстрел. Пуля чиркнула по бетонному полу, и несколько крыс, оторвавшись от ужина, с визгом бросились в стороны. Остальные даже ухом не повели. Книжник едва не надавил на спуск от неожиданности, но чудом удержался.

– Ты потом у меня патроны не проси, – буркнул Глаз. – Охуел совсем – по крысам стрелять! Жрут себе и жрут! Тебе-то что?

Троица топталась у самого входа и заходить в ангар явно не спешила. Каждый из них ждал, пока в полумрак, наполненный омерзительными чавкающими звуками, шагнет кто-то другой.

Книжник понимал расклад так: Бидон все равно заставит этих двоих искать беглянку. На герлу Бидону плевать – пусть себе бегают, а вот на авторитет – не плевать: стреляла в него – должна ответить! И послабления он им не даст – исполнят, никуда не денутся.

– Ты тут ночевать собрался? – спросил Бидон со злостью и, судя по звуку, дал Зайке оплеуху. – А ну, пошел внутрь, ссыкло! Крыс он испугался! Ты, сука, меня должен бояться, а не крыс!

Книжник несколько раз сжал и разжал кулак в нетерпении – ну давайте же заходите наконец! Только бы не перегореть! По его ботинкам пробежала крупная крыса. Он хотел отбросить ее ногой, но промазал. Крыса зашипела, оскалив зубы.

И тут они вошли.

Бидон и Зайка шагали первыми, Глаз (следопыты всегда осторожнее бойцов) крался за ними. Бидон покрутил крупной головой, посмотрел, как показалось, точно в глаза Тиму, но тень работала, словно плащ-невидимка, и Бидон, так и не заметив засады, сделал еще несколько шагов вглубь ангара, потянув за собой остальных.

Книжник выждал несколько секунд, пока все трое не оказались на линии огня, и нажал на курок.

Автомат заплясал в его руках, выплевывая огонь. Выстрелы в закрытом пространстве звучали приглушенно. Три очереди. Три металлических рыка голодного, жадного зверя.

Лязгнул затвор.

Тела еще падали, гильзы еще звенели о бетон, а Книжник уже судорожно тыкал в автомат новым магазином. Тыкал – и не попадал, потому что руки дрожали сильнее, чем колени. И сердце снова пыталось выскочить из груди через горло. Если он не попал...

Если кто-то из них сейчас...

Потом магазин встал на место, Тим передернул затвор и понял, что стрелять больше не в кого. Он попал.

Книжник сделал шаг, другой, вышел из тени, оставляя на загустевшей крови отпечатки рубчатых подошв, и замер над телами.

Бидон и Глаз не шевелились – наповал.

У Зайки еще подергивалась нога. Мелко-мелко дрожала, словно Зайка замерз, лежа на холодном бетоне. Он был невысокий, толстозадый и рыжий. Двенадцать-тринадцать зим от силы, не больше. По виду еще тин, никак не чел.

Может, у кого-то получалось убивать между делом, но Книжник никак не мог привыкнуть отнимать чью-то жизнь. Даже равнодушным остаться не получалось.

Конечно же, иначе нельзя. Добрый – значит мертвый, хочешь выжить – стреляй!

Пуля развернула рыжему затылок, среди обломков кости влажно блестел мозг. И эти подергивания... Беспощадный его забори!

Помни, что она говорила! Если не ты, то тебя!

Он оглянулся.

Страшное содержимое ангара тонуло в полумраке.

Тела напоминали пластмассовые манекены, в беспорядке разбросанные вдоль стен. Если здесь, среди изуродованных трупов, кто и прятался, то искать неизвестно кого и неизвестно зачем Книжнику вовсе не улыбалось. Бежать. Бежать, пока не поздно. Правдами или неправдами проскочить через Таун, добраться до Стейшена, забрать спрятанную вакцину и не оставивать гребную тележку, пока впереди не покажутся огни Вайсвилля. Там он среди своих, а в Парке для него своих нет. Нельзя спасти мир, когда мир этого не хочет.

Книжник сделал еще шаг и замер, прислушиваясь.

Он слышал чье-то дыхание. Точно. В темноте кто-то шумно дышал.

Тим снова достал свой чудо-фонарик и несколькими энергичными нажатиями разогнал динамо. Белый луч запрыгал по завалам из человеческой плоти, выхватывая из сумрака детали, которых Книжник предпочел бы никогда не видеть.

Звук дыхания внезапно прекратился.

Книжник замер, но потом снова двинулся вперед, выставив перед собой фонарик и ствол автомата.

– Кто здесь? – крикнул он и удивился, насколько жалко прозвучал окрик.

Ответом была тишина. Только пискнула под ногами испуганная крыса, и несколько серых бестий бросились врассыпную, ища убежища среди изломанных тел.

Справа раздался хруст и негромкое довольное чавканье.

Постоянно приостанавливаясь, Тим шел в глубину ангара, оставляя за спиной распахнутые ворота. Он остановился над вэрриором с перерезанной глоткой. Тот лежал навзничь, выставив на обозрение кусок трахеи. На его плече замер, словно в сладком сне, мертвый тин. Рядом, раскинув татуированные руки, лежала застреленная жрица. Тим перевел луч фонарика чуть левее и увидел глаз. Вполне живой блестящий глаз, глядящий на него из-под завала мерт-

вых тел. Глаз моргнул и прищурился, наводя резкость. Тим ожидал найти живого, но все равно невольно отпрянул, нащупывая пальцем спусковой крючок.

– Выходи! – крикнул он срывающимся голосом. – А ну-ка, выходи! Стрелять буду!

Окровавленные тела зашевелились, выглядело это так, словно трупы ожили от крика Книжника, поползли в разные стороны, и на свет фонаря из груды мертвой плоти выбралась низкорослая худая герла. От одежды на ней остались едва прикрывающие наготу клочья, на смуглой коже застыла запекшаяся кровь, глубокий порез на щеке и разбитое надбровье превращали лицо в подобие шаманской маски. Ни раны, ни корки запекшейся крови не мешали разглядеть густую сеть тату, покрывавшую ее от макушки до пяток.

Разукрашенное тело выдавало в ней жрицу – служительницу Беспощадного, избранную властвовать над Сити по праву рождения. И еще... Несмотря на распухшее от ударов лицо, можно было легко рассмотреть, что восставшая из мертвых герла хороша собой и едва ли прожила более 13 зим. Юная жрица молчала и дышала шумно и неровно, с присвистом выдувая воздух из распухшего и наверняка сломанного носа.

Именно этот присвист и услышал Книжник.

– Выходи! – приказал Тим решительно и повел стволом, указывая, куда именно надо стать. – Руки вверх подними и выходи!

Жрица вышла в полосу света и замерла, подслеповато щурясь.

И тут Книжник увидел то, чего не заметил ранее.

– Трахни меня Беспощадный, – прошептал он негромко и опустил оружие. – И что теперь с этим делать?

Жрица была беременна. Совсем беременна, если можно так сказать. Сквозь лохмотья вызывающе выпирал ее окровавленный живот, покрытый плотной вязью ритуальных тату.

И этот живот шевелился.

Жрица смотрела на Книжника из-под спутанных, взъевшихся коркой волос, на удивление, спокойным, чтобы не сказать, холодным взглядом, от которого становилось не по себе.

Книжник облизал пересохшие от переживаний губы.

– Не бойся, – сказал он вполголоса.

Это звучало как неудачная шутка. Герла явно его не боялась или, если смотреть на ситуацию трезво, боялась не больше, чем он ее.

Тим уже открыл рот, собираясь начать расспросы, и тут же вспомнил, что они находятся среди множества мертвецов, к которым он только что прибавил еще троих. И еще, что на звук выстрелов могут подтянуться такие персонажи, что Бидон, Глаз и Зайка покажутся ангелами, преждевременно покинувшими этот свет. И что прежде всего надо уносить отсюда ноги, а задавать вопросы – потом, когда они окажутся в безопасности и на солидном расстоянии от этого страшного места.

– Надо уходить, – сказал Тим, не отводя взгляда от шевелящегося живота жрицы.

Та не сводила с Книжника глаз и явно размышляла о том, насколько он может быть для нее опасен. Судя по всему, опасным Тим не казался.

– Ты ранена?

Жрица покачала головой.

– Идем, – приказал он, и она послушно пошла за ним.

Возле «своих» мертвецов Тим приостановился.

Патроны и еда. Полезные ништяки в карманах. Так нужно.

Добыча оказалась достойной. Челы были отлично вооружены, рюкзак потяжелел настолько, что Книжник с трудом забросил его на плечи.

Потом он содрал с низкорослого Зайки куртку, стряхнул брызги крови и мозга с вытертого воротника и набросил на плечи жрице. Жрица возражать не стала, благодарить тоже,

только запахла поглубже, принимая заботу как должное. Живот под курткой все равно не поместился. Она подняла с пола автомат Глаза и вопросительно посмотрела на Тима.

Он молча кивнул.

Выйдя из ангара, Книжник огляделся и свернул налево.

– Нет, – сказала она неожиданно низким голосом. – Туда нельзя. Там смерть.

Книжник замер. В принципе, выбираться из этого блока можно было в любом направлении.

– А куда можно? – спросил он.

Она показала рукой в противоположном направлении.

– Уверена?

Жрица кивнула.

И Тим послушался, хотя, спроси у него кто-то, зачем он это делает, то ответа бы не получил. Инстинкт, не более.

Она могла лгать. Она могла подставить. Мотивом могло стать что угодно – в борьбе за жизнь хороши любые приемы. Но в этот момент Книжник решил следовать за ней. Он даже позволил ей взять в руки автомат. Белка никогда бы этого не одобрила. Она бы обязательно напомнила ему об Айше – коварной, сильной, непредсказуемой. О том, каким страшным противником может оказаться такая, как Айша. Сука той же породы, того же воспитания, натасканная убивать.

Но Тим не мог оставить беременную герлу на верную погибель. Не мог – и все. Он знал, что поступает неправильно, знал, что тысячу раз пожалеет о сделанном выборе. Мало ему Бегуна, так еще и эта...

Жрица шла впереди, прихрамывая, и кровь из пораненной ступни пятнала бетон. Еще одна проблема – ей явно нужны были ботинки. Хоть какие-нибудь ботинки. Их можно было снять с мертвого, далеко не всю обувь забрали победители. Можно было разжиться парой крепкой обуви для его новой головной боли, а Книжник об этом вовремя не подумал...

Они обогнули ангар и наткнулись на пустой ган-кар, стоящий на проезде. На нем и приехали Зайка, Глаз и Бидон, но, в связи с их убытием в чертоги Беспощадного, средство передвижения освободилось и дожидалось нового хозяина.

Повозка оказалась хоть куда – на резиновом ходу, с пулеметом на станине и отдельным мягким сиденьем для пулеметчика, запряженная парой гладких ухоженных кобыл. Не кустарный кэрродж, собранный на коленке из старья, а сделанный мастерами Стейшена по специальному заказу за целую кучу ништяков. Книжнику показалось, что он уже видел именно этот ган-кар, когда за ним и Белкой гнались люди Резаного, но особой уверенности не было, он вполне мог и ошибиться.

– Управлять повозкой умеешь? – спросила жрица.

– Не пробовал.

– Тогда помоги мне сесть впереди, а сам забирайся к пулемету.

Подняться на козлы для герлы ее роста оказалось непросто, мешали и живот, и раненая ступня, но жрица справилась, не издав ни стопа. У нее из носа пошла кровь, и она смахнула капли, покотившиеся по губам, тыльной стороной ладони.

– Пошевелись, они рядом.

Поднимался ветер.

Со стороны реки задувало. Из-под куртки у жрицы выдавался голый живот, по коже бежали крупные пупырышки, но внешне герла никак не реагировала на холод.

Они проехали несколько сот ярдов, все это время жрица постоянно принюхивалась, словно вольфодог, выслеживающий добычу, и, наконец, посчитав, что опасность миновала, остановила повозку.

– Теперь куда? – спросила она.

Книжник указал направление рукой.

– Туда. – Он мысленно представил себе карту и добавил: – На третьем перекрестке свернешь налево.

Жрица едва слышно чмокнула губами воздух, и лошади послушно тронулись с места, словно только этого и ждали.

Резиновые шины зашуршали по каменной крошке, скрипнули рессоры. Ган-кар покатился прочь от забитого трупами ангара, прочь от реки, несущей выпотрошенные тела, прочь от убитых Бидона, Глаза и Зайки. Странно, но, несмотря на увеличивающуюся с каждой секундой дистанцию между ним и ангаром, ощущение нависшего над головой ужаса не оставляло Книжника. Выглядело это так, словно с беременного дождем зимнего неба кто-то глядел на него злыми, безжалостными глазами.

Тим невольно оглянулся, но ни сзади, ни в переулке, куда они сейчас въезжали, никого не было. Несколько мертвых тел, беспорядочно разбросанных на пути, до сих пор тлеющий плющ на уцелевшей в пожаре стене дома, россыпь гильз у пустого дверного проема – и все. Мертвые стали частью пейзажа. Это было страшно, это должно было пугать, но после ангара уже не пугало. Чел ко всему привыкает, стоит только дать ему время.

Мир, в котором жил Книжник первую часть своей жизни, тоже не отличался особым гуманизмом. В нем убивали легко, никто не рыдал над чужой смертью, никто не пугался трупов, но даже в нем мертвые не валялись на обочинах, как придорожные камни.

То, что произошло в Сити, не укладывалось в привычную для старого мира картину. Новый мир явно был не по душе Книжнику, но он не мог выбирать. Теперь это был и его мир.

Жрица правила повозкой так, будто провела на козлах ган-кара годы, и не обращала внимания ни на следы боя вокруг, ни на Книжника за спиной. Сомнительно, чтобы ее беспокоили какие-то иные проблемы, кроме одной – выжить в этой передрыге.

Хоть она и была занята дорогой, но взгляд Тима, направленный ей между лопаток, все же почувствовала, плечи невольно вздрогнули, напряглись, будто жрица ожидала от чужака окрика и удара.

– Нам далеко? – бросила она через плечо.

– Не очень, – ответил Книжник. – Главное, не начни рожать по дороге.

– Не волнуйся. Мне еще рано.

Книжник вспомнил шевелящийся живот и с сомнением покачал головой.

– Куда мы едем? – спросила она.

– Подальше отсюда.

Она нашла в себе силы усмехнуться. Выглядела жрица так, что хоть закапывай, но самообладания не теряла.

– Тогда нам в другую сторону.

– Сразу не получится. Надо подхватить кое-кого... и кое-что.

– Друга?

– Я бы так не сказал, – поморщился Книжник, решив не вдаваться в подробности.

– Ты – олдер? – вдруг спросила она. – Мертвый среди живых?

– Олдеров не существует, – ответил Книжник.

Он вспомнил, как сейчас выглядит, и подумал, что вопрос жрицы вполне уместен. Здесь, в мире, где люди старели только в момент смерти, вид чела средних лет был непривычен. Только Беспощадный превращал челов в олдеров, но тут же и убивал их из милосердия. Зачем жить старику? Старость – это смертельная болезнь! Челы и герлы умирают молодыми. Так и только так.

В ее глазах Тим действительно мог считаться живым мертвецом. Такими вот жуткими ходячими олдерами дети повзрослее пугали малышей в спальнях. Он сам боялся сказаний про мертвцов, которых не сожгли после смерти, а теперь они воруют детей, чтобы пить их

кровь и подольше оставаться под этим небом. Глупости, конечно, но люди верят в глупости охотнее, чем в правду.

– Это сказки для бэбиков, – сказал он, зная, что убеждать жрицу бесполезно.

В ее мире приносили кровавые жертвы Беспощадному в надежде, что он продлит жизнь. Олдеры, пожирающие новорожденных, отлично вписывались в общую картину. Хотя... Читать в Сити не разучились, и призрачная надежда на то, что жрица умеет отличать правду от вымысла, все-таки была.

– Мне тоже рассказывали про олдеров, когда я был маленький. И я боялся.

– Сначала они приходят за детьми и убивают всех в Сити, а потом появляешься ты – олдер. Но это все сказки для бэбиков, правда? На самом деле тебя нет?

– Я есть, но я не олдер, – упрямо повторил Тим. – Я обычный чел. Я родился в племени Парка, прожил свои 18 зим, но Беспощадный не смог меня убить.

Она натянула вожжи, и лошади стали.

– Вот так просто? Взял и не смог убить? – спросила она, с трудом повернувшись в сторону Тима: живот мешал ей свободно двигаться, и она придерживала его руками. – Как твое имя, чел из племени Парка, которого не сумел убить Беспощадный?

Тиму подумалось, что если бы не беременность, то она бы уже обязательно попробовала его зарезать. Жрицы умели орудовать клинком. Они были воспитаны для того, чтобы убивать. И от спасенной им герлы пахло не только потом и кровью, но еще и холодной, расчетливой жестокостью, как от Айши. Сука той же породы, как сказала бы Белка. Просто Книжник сейчас был ей нужен на время, пока они не выберутся из передраги. А как выберутся, то лучше не поворачиваться к ней спиной. К ней даже боком не надо поворачиваться, чтобы не получить нож под ребра.

– Я – Тим-Книжник, – представился он, чувствуя, как между лопатками пробегает неприятный холодок. – А ты?

– Я – Сибилла, младшая жрица Сити, одна из Четырех Матерей, – сказала она. – Послушай, Тим-Книжник из племени Парка. Ты выглядишь, как олдер, говоришь, как олдер, двигаешься, как олдер, а я верю тому, что вижу. Но мне плевать. Я отдам тебе свою дочь, как только она выйдет из чрева, и ты сможешь ее съесть, если захочешь. Только оставь мне жизнь.

Книжник вздохнул.

Спорить было не о чем, доказывать нечего. Пусть верит во что хочет!

– Зачем тебе жизнь? – спросил он печально.

– Чтобы отомстить, – отозвалась Сибилла и пустила лошадей шагом. – Зачем еще нужна жизнь?

Глава 9

Погоня

– Ты чокнутый! – сказал Бегун со скорбью в голосе. – Ты ебанутый на полную голову...
Ненормальный.

Он не кричал, просто смотрел на беременную жрицу грустными глазами. Вернее, одним грустным глазом. Второй еще едва виднелся под отечным веком.

– Ты кого привел?

– Ее зовут Сибилла, – представил спутницу Книжник, спрыгивая с ган-кара. – Сибилла – это Бегун. Бегун – это Сибилла.

– Все шутишь? – сказал Бегун. – Трахни меня Беспощадный! Почему я не убил тебя в Парке? Ну почему?

Тим помог жрице спуститься с козел.

– Потому, что не смог.

– Жалею очень.

– Нам надо уходить, – сказал Книжник, игнорируя издевки Бегуна. – Дальше поедем в кэрродже.

– Втроем? С беременной жрицей? – Бегун прищурился. – На ган-каре? Лучшее путешествие в моей жизни! Ты ей еще и автомат доверил?! Дай ей еще нож и снимай штаны!

Вождь с презрением посмотрел на Книжника и обратился к жрице:

– Скажи-ка мне, красотка, что бы ты сделала с нами, если бы поймала?

– Ты знаешь, – ответила жрица спокойно, разглядывая Бегуна.

Книжнику почему-то пришло в голову, что так разглядывают экзотическое насекомое перед тем, как раздавить. Ни злости, ни жестокости – исключительно познавательный интерес.

– Дурацкий вопрос, – она села на бетонную плиту, выставив вперед голые исцарапанные ноги. Живот лежал у нее на бедрах и, казалось, жил отдельной жизнью.

Книжник толкнул к ней сумку.

– Тут есть штаны и свитер. Надень.

– Она еще и босая, – напомнил Бегун. – Надо было ей еще и обувь подыскать!

– Кстати, – сказал Тим, укладывая в ган-кар содержимое седельных сумок. – Спасибо, что напомнил. Надо будет чуток помародерствовать. Ты же у нас мастер мародерить, а, вождь? Поможешь?

– Как два пальца!

– Вот и отлично, – Тим достал из сумки пару армейских носков, доставшихся ему со склада в Вайсвилле, и вручил Сибилле. – Надевай. Должны быть в пору.

– Это ты стрелял? – спросил Бегун через некоторое время.

Книжник кивнул, делая вид, что совершенно не интересуется реакциями Бегуна, хотя на самом деле ни на секунду не выпускал бывшего соплеменника из виду.

– Я.

– Попал? – на изуродованном ранами и возрастом лице Бегуна отражалась сложная гамма чувств. Он был растерян, зол, озабочен – и главное – он явно не понимал, как ему вести себя с Книжником и что делать дальше со жрицей.

– Да. Попал.

– Что там?

– Все плохо. Сити теперь – мертвый город.

– Всех убили?

– Может, кто-то и спасся, – ответил Книжник. – Но племени больше нет.

– Так, – сказал вождь. – И кто это сделал?

– Пацаны Сиплого.

– Ты гонишь! – удивился Бегун. – Зачем?

– Те, кого я застрелил, – сказал Тим, глядя в глаза вождю, – были из Тауна. С их татухами. Зачем?

Он на миг задумался.

– Не знаю. Это для меня загадка. Я не знаю, зачем надо было рубить на части сотню пленных и расстреливать из пулеметов тысячу челов. Я не понимаю, в чем смысл, если только не считать убийство смыслом.

– Хуево ты знаешь челов из Тауна, Червь, – сказал Бегун. – Для некоторых смысл именно в убийстве.

Тим попытался пристроить в кэрродже еще одну сумку.

– Возле пулемета не клади, – посоветовал Бегун. – Будет мешать.

Книжник молча послушался.

На какое-то время они выпустили жрицу из виду, и она оказалась у самой реки, за их спинами.

– Всех убили не просто, чтобы убить, – сказала Сибилла, и оба обернулись на ее голос.

Куртки на ней уже не было, окровавленных тряпок тоже. Она присела и рукой разогнала мелкие льдины у самого берега, потом зашла в воду по бедра, как будто ветер нес не мелкую снежную поземку, а дышал летним жаром.

Поежившись, жрица зачерпнула воду ладонями и принялась смывать с себя кровавые струпья и грязь, не переставая говорить.

– Пришли, как на переговоры, десять челов, а потом оказалось, что в городе их несколько сотен. Они пришли не за ништяками и не за пленными. Убили всех, кого смогли, – тинов, челов, моих сестер, но бэбиков не тронули, забрали с собой.

Голос ее звучал абсолютно спокойно, словно она рассказывала о том, как сегодня провела свободное время. Словно на ее теле не засохла коркой ее и чужая кровь.

– Они пришли за детьми, – сказала она. – А остальные были им не нужны. Жриц насиловали и убивали. Беременным взрезали животы. Сначала резали горло, а потом насиловали. Так им больше нравилось – резать, а потом уже насиловать...

Тиму стало страшно. Не от того, о чем она рассказывала, – он сам видел, какую мясорубку устроили в ангаре челы из Тауна, а от того, как она говорила о случившемся: с такой ненавистью в каждом исторгнутом звуке, что и мертвые должны были восстать и броситься наутек.

– Я клянусь милостью Беспощадного, что буду убивать виновных, пока мои руки целы. Я буду грызть им горло! Клянусь, я убью каждого воина Тауна, каждого, кого встречу на пути.

Голос ее начал звенеть и вибрировать, как у камлающего шамана. Она положила ладони на круглый живот, словно приносила клятву на собственном ребенке, спящем в чреве.

– На твоём месте, жрица, – сказал Бегун неожиданно серьезно, отставив в сторону свой обычный ернический тон, – я бы сейчас не думал о мести. Я бы думал, как унести отсюда ноги. Ты отрезала пацанам из Тауна яйца? Так чего ты удивляешься, что вырезали ваше племя, когда смогли? Они стали достаточно сильными для этого – и дали ответку. Глаз за глаз, так велит Закон. Я уважаю Закон. И ты имеешь право на месть! Но... Начнешь мстить сейчас – сдохнешь первой. Мсть – это право сильных, отложи ответку на потом. Благодарю Беспощадного, что тебе на пути встретился этот малахольный. Червяк добрый. Если бы не он, ты бы уже умерла.

– Моя жизнь посвящена Беспощадному! – ответила Сибилла. – Если Тим-Книжник спас меня, значит, так хотел Он. Мы все в его власти, олдер!

Она повернулась к Бегуну и выпрямилась в полный рост, развернув плечи и вздернув подбородок. Хотя она была голой, израненной и беременной, да и росту в ней было чуть более пяти футов, но смотрелась Сибилла величественно, как и положено смотреться одной из верховных жриц Сити.

По ее телу потоками стекала розовая вода, река вокруг ее бедер окрасилась красным, от холода пошла пупырышками посиневшая кожа, но в ней чувствовалась сила и привычка повелевать.

Правда, повелевать уже было некем.

Обезображенное лицо Бегуна выразило крайнее удивление. На него выступление Сибиллы впечатления не произвело. А вот то, как она его назвала, явно зацепило.

– Ты назвала меня олдером?

Он несмело засмеялся.

– Серьезно? Я – олдер?

Он вопросительно посмотрел на Книжника, тот пожал плечами.

– Меня она назвала так же. Надо признать, что выглядим мы необычно... Не бойся, жрица! Мы не олдеры!

– Мне сейчас плевать, кто вы, – сказала Сибилла. – Олдеры вы или живые люди – я потом разберусь. Главное, что вы не воины из Тауна, потому до сих пор живы.

Она погрузилась в воду с головой, завершая омовение, вынырнула и не торопясь вышла на берег, к лежащей грудой одежде. Старую рубаху она использовала вместо полотенца, а потом натянула прямо на голое тело несколько армейских свитеров, заправила их в штаны и закрепила всю конструкцию брезентовым поясом.

В одежде Тима она выглядела комично, все было не по размеру. Хотя Книжник богатырским сложением не отличался, но жрица была действительно миниатюрной, и даже свободные свитера висели на ней мешком, облекая только раздутый живот.

Маленькая, беременная, замерзшая, избитая...

Зато ярости в ней было – выше крыши.

Она была очень опасна – это буквально витало в воздухе, и Книжнику подумалось, что недооценивать эту герлу, полагаться на то, что она станет послушной из благодарности за спасенную жизнь, – большая ошибка. Она была... Она была, как граната с выдернутой чекой: несколько секунд – и рванет, и выжжет все вокруг своей огненной ненавистью.

– Если вы олдеры – да будет так! – повторила она. – Я вас не боюсь!

– Тихо! – выдохнул вдруг Бегун.

Он замер и закрутил головой, прислушиваясь. Казалось, что его уши двигались по каким-то особенным траекториям, отдельно от облезлой головы, улавливая шорохи и странные звуки, которыми наполнилось все вокруг.

Город обволокло липкой, как сосновая смола, тишиной, но она была мнимой. Такой ложной тишиной полнятся поздней осенью окраины городов, где человек – редкость. Она наступает, когда с первыми морозами на мертвых улицах стихают все звуки: и птичий гомон, и гул насекомых, и шорох листвы, и только хриплые крики ворон изредка нарушают безмолвие.

Ничего.

Он не слышал ничего, кроме ветра, посвистывающего в пустых оконных проемах. Это означало, что вождь Парковых отвлекает его внимание, а значит, готовит какую-то пакость! Чего от него еще ждать, как не очередного трюка?

– Бегун! – сказал Книжник, презрительно кривясь. – Заканчивай свои тупые игры!

Вождь Парка сделал жест рукой – мол, молчи, и весь превратился в слух, даже глаза зажмурил.

Исполнение было – закачаешься! Трудно не поверить! Вот сейчас он скажет, что враг близко, и снова попросит Тима его развязать.

Книжник открыл было рот, чтобы рассказать Бегуну про idiotские фантазии, которыми его, Книжника, не проведешь, но тут же его захлопнул – он тоже уловил то, что слышал Бегун.

Словно гудели пчелы, далеко-далеко, на грани слышимости. Но это были не пчелы. Звук состоял из множества голосов. Разные тембры – от низкого до визга. Далеко, слов не разобрать, только перепады тонов. И еще – посторонние звуки. Вот лязгнул металл о металл. Вот зашуршала под катящимися колесами каменная крошка. И снова: бу-бу-бу-бу! Кто-то спорит или кричит. Недалеко, может быть, за пару кварталов от них. Ничего не бояться, идут в открытую, шумят, переговариваются.

Голоса приближались!

Времени на размышления не оставалось. Еще несколько мгновений, и любое принятое решение ничего не изменит – их судьба станет predetermined. Они или исчезнут, или умрут.

И Книжник принял единственно верное в такой заварухе решение. Как учила Белка: не можешь одолеть врага сейчас – беги. Потом одолеешь. Только мертвый не может ударить в ответ. Нужно оставаться живыми.

Тим махнул рукой жрице – садись!

И та послушалась, полезла на сиденье ган-кара, оглядываясь на Бегуна через плечо. Наверное, выражение лица у Тима стало соответственное, к спорам не располагающее.

Книжник проводил жрицу взглядом и забросил в кэрродж последнюю сумку с вакциной. Потом посмотрел на Бегуна, пристегнутого к трубе пластиковыми наручниками, вытащил из ножен доставшийся по наследству тесак и решительно двинулся к пленнику.

Пластик стяжки лопнул под нажимом лезвия, освобождая занемевшие кисти Бегуна.

Вождь выдохнул с нескрываемым облегчением.

– Руки за спину! – приказал Книжник свирепым тоном, держа тесак в опасной близости от горла вождя. – Не заставляй меня повторять. Зарежу!

– Тогда режь, – Бегун, болезненно морщась, растирал пальцы, но команду выполнять не спешил. – Не будь мудаком, Червячок. Свяжешь меня – и нам всем пиздец. Мы или выживем вместе, или не выживет никто! Заруби на своем сопливом носу!

Книжник замер. Он явно обдумывал, в какой висок треснуть вождя рукоятью ножа, чтобы не выступал.

Вождь Парка оскалился.

– Башкой пошевели, умник, если еще не воссал! Сейчас не я твой главный враг!

Вечные враги смотрели друг на друга, оценивая ситуацию.

Острие тесака по-прежнему было направлено в шею вождя, но пауза затягивалась. Бегун знал: тот, кто долго размышляет, убить или нет, скорее всего не убьет.

Время шло, голоса приближающихся вэрриоров Тауна уже можно было различить, не напрягая слух. И оставалось не больше пяти минут, чтобы исчезнуть или принять бой.

Книжник опустил лезвие и сунул нож в ножны.

– Садись за пулемет, Червячок, – сказал Бегун с облегчением. – Я уж как-то с лошадьми справлюсь.

– Давай лучше ты за пулемет, – предложил Книжник, взбираясь на козлы. – Стрелок из меня хуже, чем возница.

– Годится, – кивнул Бегун.

Он повернулся к Сибилле.

– Ленту подавать умеешь?

Та кивнула.

– Тогда – подавай!

И Бегун, шипя от боли в спине, полез на сиденье пулеметчика.

Тим подхватил вожжи.

За его спиной лязгнул металл затвора.

– Пошли! Давай! Давай!

Упряжка с первых шагов перешла на легкую рысь, повозку затрясло на неровностях, и Книжник с трудом удержался на сиденье.

Вьючная лошадь с удивлением посмотрела на отъезжающих и поспешила следом резвым уверенным шагом. Они проехали не более двухсот ярдов, как сзади ударил одинокий выстрел, и пуля вырвала кусок старой штукатурки из угла здания слева от них.

Книжник хлестнул лошадей вожжами, и ган-кар рванул вперед раньше, чем эхо выстрела затихло между домами. Еще мгновение, и Книжник бросил повозку в боковой переулок, поросший низкой пожухшей травой. Колеса на резиновом ходу с хрустом давили сухие стебли.

– Уходим! Поднажми! – закричал Бегун за его спиной.

Повозку швыряло во все стороны, казалось, что кожаная грубая упряжь сейчас лопнет от напряжения, расплзется грубо склепанный металл, хрустнут деревянные части, и полетят во все стороны колеса на резиновом ходу, закувыркаются в воздухе тела, лязгая, рухнет на землю станок пулемета...

Но ган-кар, предназначенный для боевых рейдов по просторам Пустошей, не собирался разваливаться на тесных городских улицах. Низкорослые крепкие лошадки старались изо всех сил и бежали так скоро, как позволяла им разрушенная заросшая мостовая.

Тим бросил взгляд через плечо. Целиться при такой тряске было бесполезно. Тут дай Беспощадный только удержать ствол повернутым в направлении противника, и Бегуну это каким-то непонятным образом удавалось.

Ган-кар летел по улице, подминая под себя низкие примороженные кусты шиповника, и алые ягоды разлетались во все стороны брызгами крови. Тим снова хлестнул по лошадиным спинам, заставляя упряжку бежать на пределе возможностей.

Когда преследователи возникли в пределах прямой видимости, Бегун немедленно открыл огонь из машингана. Калибр у пулемета был солидный. Угодившие в угол дома пули вынесли часть стены, и все скрылось в густой белесой пыли, но через мгновение из серого облака вылетел ган-кар преследователей, запряженный вороной двойкой, а за ним еще один, тоже двойка – легкая, с небольшой коляской в упряжке и высокой оружейной турелью.

В первый момент Книжник растерялся. Он понимал, что их тяжелогруженная повозка от погони не уйдет, и запас в пару сотен ярдов между ними и преследователями ничего не решает. Но сдаваться он не собирался – пока ты жив, шанс есть всегда. Всегда, даже если все выглядит совершенно безнадежно.

Ган-кары мчались друг за другом по широкой улице. Если судить по габаритам и внешнему виду сохранившихся зданий, когда-то она была одной из главных магистралей в Сити, а все главные магистрали Сити вели к единственному уцелевшему мосту через Гранд-Ривер – к Мэйн-Бридж.

Книжник помнил план города лишь в общих чертах.

Все большие улицы, проложенные с севера на юг, так или иначе выводили к развязкам, ведущим на мост, или вливались в разрушенный водой и временем хайвэй на Набережной.

По сути, даже до прихода Беспощадного Мэйн-Бридж был единственной переправой в этих местах, соединяющей Сити и Таун, другого пути через реку не существовало в радиусе 50 миль, а теперь и подавно! Хочешь попасть на ту сторону Гранд-Ривер? Милости просим на Мэйн-Бридж! На заминированный, ветхий, простреливаемый снайперами мост!

В прошлый раз им с Белкой повезло, они перебрались на другой берег с помощью плота, и это была большая удача, хотя кончилась переправа пленением Ханны. Обратный путь Книжник проделал на лодке в одиночку и тоже без особых сложностей. Сейчас ни плота, ни лодки не было, а сложности мчались на ган-карах за ними по пятам.

Можно было попробовать прорваться к Мейн-Бридж на ган-карах, несмотря на охрану и снайперский огонь, но... Но гнать ган-кар к мосту, обычно заминированному с двух сторон, было чистым безумием, без единого шанса уцелеть.

Уходить от погони по Набережному шоссе казалось совершенно бессмысленным: шоссе вело в никуда, вернее к следующему разрушенному мосту, на 70 миль к юго-востоку. Им же нужно было попасть в окрестности Стейшена, где Тим припрятал основную часть вакцины, а это означало движение строго на юг.

Нахлестывая лошадей, Книжник пытался выбрать между безумием и бессмысленностью. Вправо или влево? Какую дорогу выбрать?

Он уже видел остатки огромного указателя над развилкой: правая дорога уходила под некогда величественную, а теперь обшарпанную эстакаду, за которой начиналась полуразрушенная, обкусанная бешеными половодьями бетонная четырехрядка.

Левая же полоса начинала подъем вверх, взбираясь на широкий радиус, и вливалась в мост на высоте добрых ста футов над поверхностью земли.

Въезд на Мейн-Бридж был ловушкой даже без учета минирования – деваться с моста, если у тебя нет крыльев или жабр, было некуда! Набережная все-таки давала призрачный шанс выкрутиться, если повезет. Если лед, например, станет сегодня к вечеру. Или завтра утром...

– Вправо, – решил Тим, на скаку поворачивая упряжку.

Ган-кар едва не исполнил кульбит с переворотом, и возница с трудом удержался на сиденье. Сзади загрохотал пулемет, но оглянуться Книжник не мог, только втянул голову в плечи под свист крупнокалиберных пуль.

На улице осталось много ржавых скелетов старых машин и автобусов, их приходилось объезжать на скорости, и это было очень и очень непросто. Меньше всего Тим хотел опрокинуть кэрродж. Вылететь из повозки на полном ходу означало верную смерть.

Возле большого уха снова вжикнуло, щеку обдало горячим воздухом, и лишь потом Книжник услышал звуки выстрелов. Он все-таки исхитрился глянуть назад – дистанция между их кэрроджем и преследователями конечно же сократилась, но на пятки им еще не наступали. Стрельба Бегуна здорово охлаждала пыл погони. Преследователи не шли на сближение, пытаясь достать беглецов издалека автоматным огнем. Книжника снова тряхнуло на обломке бетона, ган-кар швырнуло в сторону, и еще одна автоматная очередь пролетела мимо цели. И они втроем, и преследователи были до сих пор живы только потому, что никто не мог нормально прицелиться при такой тряске.

Шанс ускользнуть от погони по остаткам прибрежного хайвэя мог казаться призрачным, но единственное, что могло спасти Тима и его спутников, – вот такой призрачный шанс. Вьючная лошадь, скачущая рядом, поскользнулась и едва не рухнула под колеса ган-кара, но чудом сумела устоять на ногах. Тим с перепугу рванул вожжи, направляя повозку вправо, и это спасло их от смерти. Град пуль забарабанил по остову сгнившего грузовика по левую руку от Книжника, старое железо прикрыло их от свинца. Тим нахлестывал лошадей, стараясь увеличить отрыв, но лошади уже выбились из сил и бежали не так, как вначале.

Книжник слышал свое хрипкое дыхание, тяжелое дыхание усталых лошадей, свист пуль, грохот ответных выстрелов так, словно они доносились издалека. И тарактенье по неровностям примитивной ходовой ган-кара – бум-бум-бум, которое достигало его ушей, было похоже на ритмы шаманских барабанов.

Слабое зрение мешало Тиму видеть все в деталях, но пока что он успевал выбрать нужную траекторию и умудрялся до сих пор не врубиться в какой-нибудь ржавый остов, лежащий на дороге десятки лет.

Повозка пронеслась под эстакадой.

На этом месте за ночь намерзла толстая ледяная корка, против которой были бессильны и резиновые шины, и железные подковы. Лошади, оскользнувшись, едва не рухнули на бок, ган-кар занесло – в какой-то момент Тим был уверен, что кони оборвут построжки, но сбруя выдержала.

Кэрродж налетел на ухаб, пронзительно завизжала Сибилла. Тим скосил глаза и увидел, как жрица взлетает над краем повозки, неуклюже раскорячившись в воздухе, и как Бегун хватается ее за волосы свободной рукой и швыряет обратно на сиденье.

Кэрродж рухнул на дорогу, от удара внизу что-то треснуло и заскрипело. Сибилла мешком упала под ноги вождю и вцепилась ему в колени мертвой хваткой. В это время ган-кар выкатился из-под эстакады, и перед Тимом возникла огромная полуразрушенная конструкция толла.

Книжник давно разобрался в назначении этих строений на дорогах – с их помощью вожди племен в старые времена заставляли челов платить деньги за проезд авто по мостам и хайвэям. Перед Книжником было не меньше десятка проездов, из которых лишь три остались неповрежденными. Он направил повозку в один из трех уцелевших коридоров.

– Стой!

Тим не сразу понял, кто кричит ему «стой», но исполнил команду: рванул вожжи на себя, тормозя стремительный бег тройки. Через миг он сообразил, что проскочить ворота толла на скорости у него бы не вышло – проезд был слишком узок. Лошади, раздувая потные бока, перешли на шаг и с трудом протиснулись между ржавыми конструкциями, зазубренный металл оцарапал борта кэрроджа с противным протяжным скрипом.

– Останови! – опять приказал Бегун.

Лицо вождя дергалось, как у припадного. Из-под нависшей брови на Книжника смотрел налитый кровью глаз. Здоровый глаз сверкал таким бесстрашием, что Тим невольно почувствовал уважение к своему старому врагу.

Бегун, конечно, был конченным, отбитым на всю голову, но смелости ему было не занимать. Как и Белке. Книжник подумал, что ее оскорбило бы такое сравнение, но... в этой безумной отваге, в этой безграничной целеустремленности Белка и Бегун были схожи, как брат и сестра. Может, именно потому они и ненавидели друг друга до колик?

– Останови, – повторил Бегун и вытер рукавом кровавую соплю, повисшую на кончике ободранного носа. – Я встречу их как надо...

Книжник не стал возражать, просто кивнул.

Если уж он развязал Бегуну руки, то смешно мешать ему действовать.

Позиция казалась надежной. Массивная эстакада прикрывала их и от снайперов, охраняющих мост, и от стрелков, расположенных на небоскребах со стороны Тауна. Зато пулемет Бегуна отлично простреливал все пространство перед выездом с эстакады.

Вождь шагнул к пулемету и едва не рухнул, как стреноженная лошадь. Он посмотрел на Сибиллу, продолжавшую держаться за его ногу, с удивлением, как будто он впервые ее увидел.

– Ноги мои отпусти, – сказал он почти ласково. – Я ж наебнусь!

Сибилла с трудом отпустила колени вождя и села в стороне.

Глаза у нее были мутные, словно она все еще приходила в себя после удара. Нехорошие были глаза. Бегун присмотрелся и решил не церемониться. Он схватил жрицу за плечо и рывком поднял на ноги.

– Ленту! – заорал он в лицо Сибилле. – Ленту мне подавай! Потом валяться будешь!

Крик подействовал на жрицу, как ледяная вода. Сначала она отшатнулась, но через секунду уже бросилась на свое место, к патронной коробке.

На лице вождя возникла довольная ухмылка, он стал поудобнее и положил пальцы на гашетку. Книжник спрыгнул с облучка и снял со спины автомат.

Бегун ослабился.

– Что, Червячок? Помочь решил?

Он развернул турель в сторону эстакады, повел стволом вправо-влево, примериваясь к прицелу. Книжник присел у колеса ган-кара, спрятавшись за перекрученной железной балкой отбойника.

Только бы челы из Тауна не остановили повозки! Пусть Беспощадный будет милостив, и он получит свою добычу!

Рот у Книжника пересох, сердце стучало в ребра, но он не боялся – предчувствие битвы заставляло его кровь вскипать. Он плотно прижал приклад к плечу, вдыхая запах сгоревшего пороха и оружейного масла – самые успокаивающие ароматы в мире. Еще летом он брезговал брать в руки оружие, а сегодня не представлял, как без него можно выжить.

«И это тоже называется взрослеть», – подумал Книжник.

Ган-кар с преследователями вынесло из-под эстакады боком – ни притормозить, ни остановиться на льду возница не мог! На гололед и рассчитывал Бегун, выбирая позицию для засады.

Лошади перебирали ногами, стараясь зацепиться подковами за гладкий черный лед, но копыта проскальзывали, повозка шла юзом. Пулемет Бегуна зарычал, выплевывая струю свинца, на Книжника полетели горячие гильзы. Книжник даже не успел нажать на курок. Машинган вождя был наведен на цель умелой рукой, а что пулемет может сделать с живыми мишенями на расстоянии чуть больше полусотни ярдов, Книжник уже видел во время штурма Вайсвилля.

Поток свинца ударил в лошадей, в повозку, в двух вэрриоров в ней и за несколько секунд превратил все в фарш из дерева, металла и плоти. Потом машинган лязгнул и захлебнулся, затрещали вращающиеся вхолостую стволы. После грохота пулемета стало совсем тихо, так тихо, что Книжник подумал: заложило уши. Разбитый кэрродж валялся на земле, катилось прочь оторванное колесо. Разбросанные вперемешку куски человеческой и лошадиной плоти мало напоминали то, чем были несколько секунд назад.

– Ходу! – крикнул Бегун, пытаясь перезарядиться. Новая коробка с лентой никак не хотела становиться на место, и Бегун бил по ней кулаком.

– Ходу, Червь! Гони! Гони, блядь!

Тим запрыгнул на козлы и щелкнул вожжами, как заправский возница. Уговаривать лошадей не пришлось – они взяли с места, быстро набирая темп. Вьючная кобыла припустила следом.

Из темного провала под эстакадой им в спину ударил пулемет, но пули лишь застучали по металлу ограждения. Ган-кар беглецов уже катился прочь, уходя под покрытие развалин.

Глава 10

Ожерелье Сибиллы

Прибрежное шоссе тянулось вдоль пологого берега, петляя вместе с рекой. Нависающие над водой участки дороги давно обвалились в воду, на их месте торчал частокол источенных временем и влагой балок. Лошадей приходилось пускать шагом, чтобы не сорваться в темные воды Гранд-Ривер, покрытые коростой шуги.

На противоположной стороне реки, наползая друг на друга, громоздились скалы, и течение набивало в каменные карманы у их подножия матовую ледяную пену. От обжигающего ветра та начинала смерзаться коркой. Эта корка напоминала куски жира, плавающие в остывшем супе, их постоянно подхватывало течение и уносило на стремнину, где под черной водой скрывались острые, как зубы хищника, бетонные осколки, куски арматуры, ржавые лезвия листового металла.

Книжник вспомнил, как Гранд-Ривер несла их с Белкой на своей спине, и содрогнулся. Туман был настолько густым, что скрывал и здания на противоположном берегу, и развалины прибрежных строений справа от шоссе. Казалось, город исчез, растворился, осыпался пылью, но Таун оставался на месте: он прятался на скалах, за густым белесым молоком испарений.

– Не отстают, – констатировал Бегун, опуская монокуляр. – Просто бояться подъезжать ближе. Далеко нам еще?

– Не знаю, – пожал плечами Книжник. – Тогда было темно, мы плыли по реке. По воде всегда все ближе. Но это должен быть большой порт: корабли, пирсы, верхаузы в несколько этажей. Много таких высоких железяк – кранов. Мимо никак не пройти. Заметим.

– Ближайший мост на ту сторону в Рокбридже, – сообщила жрица и добавила, вроде как между делом: – Но это в Горячих Землях.

– Полезная информация, – сказал Бегун. – Ты стараешься нас вдохновить? Или испугать?

– Я хочу сказать, что порт расположен на другой стороне реки. Как мы туда переправимся с ган-каром, грузом и лошадьми? Вплавь?

Судя по тону, Сибилла немного пришла в себя, хотя все еще выглядела потрепанной, как кролик, попавший под повозку. Во всяком случае способность разговаривать повелительно к ней постепенно возвращалась.

– К вечеру станет еще холоднее, – Тим поглядел вверх. – Ночью будет мороз.

Он старался при любых обстоятельствах проявлять дружелюбие. Чтобы выжить, нужно сотрудничать. Чтобы сотрудничать, надо доверять друг другу. Книжнику было трудно убедить себя не ненавидеть Бегуна, но, как выяснилось, даже это оказалось возможным. С доверием пока не получалось, но Тим над этим работал.

– От холода сядет туман – это плохо, придется ехать вслепую, – продолжил он. – Но есть и хорошая новость: если мороз продержится ночь, то к утру на реке станет лед.

Бегун только хмыкнул и покачал плешивой головой. Он даже не повернулся к Книжнику, продолжая следить за тем, чтобы преследователи не подошли на расстояние прицельного выстрела, но у него получилось высказать недоверие спиной.

Жрица пожала плечами.

– Мы не пройдем по молодому льду. У нас есть время подождать?

Книжник покачал головой.

– Не думаю. Нас найдут и убьют.

– Ты готов бросить свои сумки? – спросила Сибилла.

– Нет.

– Тогда... ближайший мост в Рокбридже, – повторила жрица, устраиваясь на сиденье поудобнее. Она придерживала живот двумя руками, словно боялась расплескать. – Но это в Горячих Землях, Книжник.

– Знакомое местечко, да, Червячок? – ехидно осведомился Бегун. – Хочешь снова пойти через Горячие Земли?

Книжник промолчал.

Сибилла была права. По молодому льду переправиться не получится, если, конечно, ночью не случится лютой мороз. И Бегун прав – через Горячие Земли без защитных костюмов не пройти, а они спрятаны там же, где и гребная тележка с вакцинами – на подъездных путях Стейшена. Для того чтобы туда попасть, нужно оказаться на другом берегу. Но как?

Думай, Книжник, думай!

Уставшие лошади шли неровным шагом, рядом, не отставая ни на шаг, семенила выючная кобыла. Прибрежное шоссе забирало вправо. Ган-кар проехал под огромным указателем, на котором нынче можно было прочесть только несколько слов и цифр. Но этого было достаточно.

До Харбора (первое слово в названии этого самого Харбора исчезло вместе с осыпавшейся краской) оставалось три с половиной мили.

Порт. Три с половиной мили до порта – рукой подать.

А там придется что-то придумать.

Ничего, подумал Книжник. Не в первый раз. Что-нибудь придумаем.

Развалины, тянувшиеся справа от самого моста, сменились ветхими зданиями в несколько этажей, потом ган-кар покотился вдоль замшелой кирпичной стены, за которой прибрежное шоссе нырнуло в прилично сохранившуюся городскую застройку.

Это тоже был Таун, только правобережный, бедный и никому особенно не нужный. Дома в нем давно ограбили, вытащив все ценное и полезное. Изредка его патрулировали отряды местных бойцов, вылавливая нежелательных гостей, пытавшихся здесь поселиться, но от застроенного высотками Левобережья он отличался разительно – чувствовалось, что и в прежние времена здешний район нельзя было назвать безопасным и красивым. Теперь – тем более.

– Останови кэрродж, – сказала жрица за спиной.

Книжник оглянулся.

– Зачем?

– Останови.

Он натянул вожжи, и лошади стали. Их мокрые бока ходили ходуном.

– Одолжишь?

Сибилла протянула руку.

– Что?

– Твой нож.

Книжник без колебаний снял пояс и вложил тяжелый тесак в ее ладонь. Она перебросила ремень через плечо и переместила ножны под мышку.

– Что ты хочешь делать?

Сибилла, придерживая живот, неуклюже спустилась на землю.

– Я взяла у тебя гранату, – сообщила она. – Ты не против?

Книжник растерянно покачал головой. Бегун тоже смотрел на жрицу с недоумением.

– Пусть лошади пойдут шагом, – сказала Сибилла, обращаясь к Книжнику. – Просто не спеши. А ты...

Она повернулась к Бегуну.

– А ты не стреляй. Не надо.

– Ты что? Собираешься их замочить? – догадался Бегун. – Сама? Ножом?

– Ты же слышал мою клятву?

– Она тоже ебнутая, – Бегун развел руками. – Такая же, как и ты... Ну что ж! Скоро одной проблемой у нас станет меньше!

– Я вернусь, олдер, – жрица улыбнулась. – Не надейся! Мне еще нужно вот это...

Она подняла с земли длинный кусок арматуры, красный от ржавчины, кривой, но еще достаточно прочный, чтобы послужить копьём или дубиной.

У нее была хорошая улыбка. Книжнику невольно захотелось улыбнуться в ответ, но у него не получилось.

Сибилла повернулась и, не оглядываясь, пошла навстречу приближающейся погоне. Это было настоящим самоубийством. Ее ждала верная смерть, но как остановить того, кто уже все для себя решил?

Поэтому Книжник лишь покачал головой и тронул повозку с места. Медленно. Как она попросила.

– Кстати, – сказал Бегун, возясь с пулеметом. – Я нашел причину! Патрон перекосило.

Вождь попытался взвести затвор, но рукоять дошла только до половины, и дальше – никак.

Он сплюнул.

– Гребаная рухлядь!

Они переглянулись.

Бегун еще раз рванул затвор с тем же результатом.

– В случае чего – лучше гони во весь дух, – посоветовал он. – Отстреливаться нам нечем. Или проси Беспощадного, чтобы у нее все получилось...

– Починить сможешь?

– Не знаю. Я из такого стреляю в первый раз. Хуй знает, как его чинить...

Вождь отсоединил короб с лентой.

– Попробую.

Он бросил быстрый взгляд вслед Сибилле, но та исчезла из виду.

– Куда, раздери меня Беспощадный, она подевалась? – спросил Бегун, крутя головой. – Она же только что стояла вон там?

Расстояние между повозкой и тем местом, где жрица сошла на землю, уже составляло добрую сотню ярдов, а здешний рельеф давал тысячи возможностей с ним слиться, но, надо признать, Сибилла сделала это за пару мгновений и с такой легкостью, что даже опытного вождя взяла оторопь.

Кэрродж преследователей выкатился из-за поворота, и Книжник увидел, как возница привстал на козлах, нахлестывая лошадей. Повозка преследователей набирала ход, с каждой секундой сокращая расстояние. Тим боролся с желанием, не дожидаясь исхода, пустить лошадей в галоп, за его спиной гремел затвором и ругался Бегун. У него все еще не получалось вытащить из направляющих перекошенный патрон.

Книжник не мог ехать и все время смотреть через плечо, он следил за дорогой и поэтому пропустил самое интересное. Он только услышал, как охнул Бегун, и тогда обернулся назад всем корпусом.

Вражеский кэрродж парил в воздухе, опрокидываясь на бок. А двойка лошадей, которая только что тащила его, почувствовав свободу, рванула вперед так, словно за ними гнались вольфодоги. Сама повозка летела, а оба вэрриора кувыркались рядом с нею, отчаянно размахивая конечностями.

Это походило на чудо, но явно не было чудом. Железный прут, правильно вставленный в колесо на полном ходу, может натворить больше, чем граната.

Повозка ударилась о землю, рассыпаясь на части, челы рухнули рядом. И тогда рядом с упавшими вэрриорами из ниоткуда возникла хрупкая фигура Сибиллы. Тим остановил свою упряжку и поднял к глазам монокуляр.

Если она умудрялась двигаться с такой скоростью, будучи на сносях, то Тим мог только догадываться, какой стремительной она была до беременности. Айша, не к ночи будь помянута, напала быстро, как атакующий снейк, но Сибилла была еще быстрее покойницы. В тусклом свете зимнего дня Книжник едва успел заметить блеск стали в ее руках, а потом...

Крик жертвы был страшен. Визг, похожий на верещание раненого зайца, только в сотню раз громче и еще пронзительнее, полный такой нечеловеческой боли, что Книжник похолодел. Снова мелькнул тенью силуэт жрицы, сверкающее лезвие очертило круг, и второй вэрриор заорал так, что по спине пробежала волна мурашек.

– Да трахни меня Беспощадный! – восхищенно выдохнул Бегун, жадно вглядываясь в причудливый танец Сибиллы. – Она их потрошит! Она потрошит их живьем!

Тесак Белки взлетал и падал, вычерчивал дуги и круги, и снова взмывал вверх. Преследователи превратились в дичь, в жертву, с которой охотник делал, что хотел.

Книжник отвернулся, он уже достаточно увидел. Достаточно для того, чтобы надолго потерять аппетит. Бегун же, напротив, не отводил взгляда и разве что не причмокивал от удовольствия.

Визг превратился в хрип, хрип перешел в вой, но эти двое были все еще живы. Сибилла не хотела, чтобы они умерли сразу, и в глубине души Книжник ее понимал.

Когда он отважился снова посмотреть на расправу, жрица уже шла к их повозке своей переваливающейся утиной походкой, держа в каждой руке по какой-то веревке. Две ленты, которые тянулись за ней от тел, словно она разматывала клубок толстой бечевы. Тим не сразу понял, что это за веревки, а когда понял, то пожалел, что понял, и снова отвернулся.

Бегун помог жрице подняться в повозку. Она была забрызгана кровью с головы до ног, а на груди у нее висели...

Книжник почувствовал, что сыт увиденным по горло. Что его сейчас не просто стошнит, а вывернет наизнанку, но его не вывернуло. Чел – удивительное существо, он привыкает ко всему. Особенно когда ему некуда деваться.

– А это тебе зачем? – спросил он, стараясь не приглядываться к «ожерелью».

– Ах, ты об этом? – Сибилла погладила трофеи. – Мне идет, правда?

На лице ее застыла все та же милая улыбка. Если раньше она казалась Тиму просто зловещей, то теперь он твердо знал, как должен ухмыляться Беспощадный.

Жрица медленно слизнула крупную алую каплю, скатившуюся по верхней губе.

Мед-лен-но.

Книжник с трудом сглотнул, и слюна с шорохом прокатилась по сухому шершавому горлу.

– Все герлы любят украшения, да?

Жрица протянула ему небрежно протертый тесак. Рука у нее не дрожала.

– Спасибо. Возьми. Хороший нож.

Рукоять оружия показалась Тиму горячей и липкой. Ладонь начала мучительно зудеть, как заживающая рана. Книжник еще раз глянул на тела воинов Тауна. Вернее на то, что от них осталось. Они походили на кучи ветоши, но все еще слабо шевелились. Или это ветер шевелил располозованную одежду? Стонут они еще или замолчали навсегда, с такого расстояния было не разобрать. Да и это, если вспомнить ангар в Сити и его содержимое, было неважно.

Каждый получает то, что заслужил, если только Беспощадный не решит иначе. Один монстр прикончил двух других монстров. Так все устроено. Так, а не иначе все работает.

Тим перевел взгляд на жрицу, и Сибилла проворковала, заглядывая ему в душу:

– Каждого...

Зрочки у нее были, как ружейные стволы, направленные Тиму в лицо.

– Каждого, кого найду. Каждого, до кого дотянусь. Слышишь, Книжник? Пока я жива...

Пальцы ее нежно коснулись окровавленных гениталий, висевших на груди, а потом она удовлетворенно скрестила руки на животе, выпирающем из-под свитера.

В ответ на ласку живот шевельнулся.

Что же за чудовище растет в ее чреве? Что она может родить?

Книжник почувствовал, как от неконтролируемого страха сжимается мочевого пузыря и во рту появляется омерзительный вкус желчи. Ган-кар стоял среди начинающейся зимы, среди разрушенных домов мертвого города в агонизирующем мире, у которого еще пару лун назад не было ни одного шанса. И у которого не останется ни одного шанса, если он не заставит монстров работать на себя, если вместе с монстрами не найдет способа заставить этот мир жить иначе. И если для этого самому надо стать монстром...

Книжник споткнулся об эту мысль, налетел на нее, как на бетонную стену, но додумал до конца... то я стану монстром.

Он был один на один с Беспощадным, если не считать безумной беременной жрицы и умирающего старого врага. Но других союзников у него не было, и взяться им было неоткуда.

«Зачем?! – в который раз спросил себя Книжник. – Зачем я приперся сюда? Кого тут можно спасти? Я только и делаю, что несу смерть. Я убиваю, убиваю, убиваю... Я больше убил, чем спас...»

– Добрый – значит мертвый! – отчетливо произнес голос Белки за его спиной. – Сопли вытри!

Тим вздрогнул и оглянулся. Никого. Ее пепел остался в Вайсвилле. Ее больше нет, а он еще есть... Благодаря ей.

– Что стоим? – спросил Бегун, защелкивая крышку пулемета. – О чем думаем?

Лязгнул затвор, и вождь ощерился, демонстрируя остатки зубов.

– Готово, Червячок!

Сейчас Бегун действительно походил на олдера. На олдера из сказок, которыми пугали бэбиков бесконечными зимними ночами. Облезлый, кривобокий, поросший клочковатым седым волосом, редкозубый, с красными, как у крысы, глазами. Но смелый до безумия, ловкий, несмотря на увечья, и смертельно опасный. Такой мог вполне явиться в Парк и пить кровь у спящих бэбиков!

Книжник не верил ему ни на секунду. Только безумец мог дать оружие в руки этой помеси снейка и вольфодога! Но выбора не было – и Тим вручил ему это оружие. В который раз у Книжника не было выбора!

Бегун отшвырнул в сторону мятую гильзу, вытер рукавом замурзанное лицо и густо харкнул в сторону мертвецов.

– Чего ждем, Червь? Ты теперь у нас вождь? Так веди!

Глава 11

Есть идея!

Бегун повис на руках и, как мог осторожно, спрыгнул с остатков пожарной лестницы. Прыгал он аккуратно, но все равно застонал и схватился за спину, за место, куда ударили копыта.

– На мясо пушу, – прорычал он, недобро поглядывая на лошадь.

– Бинокль отдай, – сказал Книжник. – Уронишь. Что там?

– Под мостом шевеление, – Бегун, кряхтя, присел рядом.

Сибилла хмыкнула.

Она соорудила себе гнездо из сумок и тряпья, свернулась в нем, обложенная коробками с пулементными лентами, и накрылась поверх кусками шкур, найденными в разбитом кэрродже преследователей.

– Скоро станет темно.

– И что с того? – осведомился Бегун, с трудом выпрямляясь. – Это их земли. Они тут знают каждый камень, и темнота им похер. Я бы не стал ждать ночи, я ударил бы сразу. Кто сейчас у них вождь?

– Сиплый! – сказала жрица.

Не сказала – выплюнула имя через зубы.

От такой ненависти Сиплый должен был немедленно покрыться чирьями с головы до ног и истечь гноем, но Сиплому было плевать на чью-либо ненависть. Он дышал этой ненавистью. Она текла у него в жилах вместо крови гнилой черной жижей.

Книжник прекрасно помнил Сиплого.

Горящие злобой глаза из-под надвинутого капюшона. Сгорбленный силуэт смерти, притаившийся в густой тени на верхних этажах Жертвенной Башни.

– Он шаман, – добавил Книжник, стараясь не выдать свой страх перед воспоминанием об этом челе. – Не вождь.

– Удивил, – хмыкнул Бегун. – Значит, у них теперь нет вождя. Теперь правят шаманы. Как в Парке. Слышь, Червь, че у нас есть из хавки? Я жрать хочу!

Жратва тоже была трофейная, найденная в разбитой повозке. Лепешки из зерна, несколько кусков закопченного до черноты жирного мяса. Но жратва есть жратва, хочешь жить – выбирать не станешь.

Книжник молча протянул Бегуну кусок, тот кивнул и впился в угощение зубами.

– Кормилец! Того гляди, еще и подружимся, – проурчал он довольно. – В общем так, если они вдруг забздят убить нас ночью, то обязательно придут убивать утром. Это, конечно, круто – подохнуть на рассвете, но в мои планы пока не входит. Идеи есть?

Идеи, конечно, у Книжника были. Они появились сразу же, как только ган-кар въехал на территорию порта. Разглядывая противоположный берег через монокуляр, Тим легко нашел место, где пристал к берегу две с небольшим луны назад, узнал ангар, где спрятал груз, и даже рассмотрел обрывки веревки, уходящие под молодой лед в месте, где затонул их с Белкой плот.

Семьсот ярдов от силы. Ерунда, если бы лед уже стал. Если бы быстрое течение на фарватере не образовывало длинные, похожие на разрезы промоины. Если бы они шли пешком, а груз тащили на волокушах.

На том берегу владения Сиплого не заканчивались. До границ Стейшена оставалось еще миль десять пути, и не самого простого пути. Хотя смотря с чем сравнивать... Пройденная вместе с Белкой дорога по тоннелям метрополитена была куда сложнее и страшнее, чем любой переход по поверхности.

На обратном пути, уже в компании Шепелявого, Тим преодолел этот кусок играючи. Но им везло, они нигде не засветились, проскользнули тенью от пустующих складов Стейшена и до самого Парка. Ни выстрела, ни взрыва, ни сигнальной ракеты, сработавшей от растяжки.

Везение? Возможно. Везение плюс осторожность. Страх – прекрасный советчик в таких случаях. Обойти проблемы – это все равно что их решить. На время, конечно.

Сейчас проблемы уже не обойти.

Когда все племя Тауна висит у них на заливке, мечтая спихнуть Тима и его спутников с крыши Жертвенной Башни, проскользнуть мимо не получится. Тем более что между Стейшеном и Тауном особой вражды нынче нет, а если уж надо кого достать, то они превосходно найдут общий язык и совместно загрызут жертву, загнав ее в угол.

Позарез надо попасть на тот берег! Не только переправиться самим, а еще спасти груз и лошадей. И перегнать туда ган-кар, чтобы как можно быстрее добраться до тайника с вакциной. Надо...

Надо, надо, надо...

Книжник потер лоб.

Семь сотен ярдов. Стремнина, холод, глубоко, каша вместо льда... Говно вопрос, как сказала бы Белка...

Идеи, говоришь? Есть у меня идеи! Одна глупее другой, но зато много!

– Видишь? – повернулся он к Бегуну, указывая рукой на полуразрушенный складской навес, с провалившейся крыши которого свисали, качаясь на ветру, листы пластика.

Тот, не переставая жевать, кивнул.

– Мне нужен этот пластик.

– Весь?

– Сколько сможем снять.

– И все?

– Нет. Нужна проволока. Или очень хорошая веревка.

Бегун вопросительно посмотрел на грубую кожаную сбрую, снятую с разбитой повозки.

– Годится, – кивнул Книжник. – Я пока схожу на разведку, а ты тащи все это сюда. Сибилла, разведи костер. Вон под тем навесом!

Он кинул в повозку свой трут и кресало.

С уцелевшими зданиями на этом берегу была беда. Когда-то здесь случился сильный пожар, а потом выгоревшие остовы складывались один за одним от дождей, ветров и тяжелого снега, превращая часть порта в живописные развалины.

– Бегун поможет тебе с хворостом... – намекнул Книжник, поглядывая на вождя. – Стена закроет нас от ветра, да и огонь не будет бросаться в глаза.

– Что ты собираешься разведывать? – спросил Бегун ухмыляясь. – Разведчик, Беспощадный тебя за ногу...

– Толщину льда, – сказал Книжник поднимаясь.

Он осмотрелся и нашел достаточно длинную, подходящую для его целей ветку.

– Все, я пошел...

– Дальше тех вот обломков не ходи, – предупредил его вождь, вытирая засаленный рот рукавом. – Могут достать снайперы. С моста увидят.

Книжник вернулся, когда уже совсем стемнело, продрогший, с мокрыми ногами и красным обветренным лицом. Молча присел к костру, прикрытому с одной стороны ржавым куском металла для маскировки, протянул к огню задубевшие руки и замер, словно дремлющий оул⁹, – только нос торчал из капюшона худи.

⁹ Owl (англ.) – сова, филин.

Через некоторое время он встрепенулся, закрутил головой, отчего стал еще больше походить на сову, и сказал:

– Может получиться...

– Ты знаешь, как построить мост? – с насмешкой спросил Бегун, обжаривая над огнем недавно пойманную крысу. Крыса попалась упитанная. Не хотелось думать, где она нагуляла жир, капающий в костер. – Или будешь камлать на мороз?

Книжник поднял на него глаза.

– Мост нам не понадобится, Бегун. И если ты хочешь к утру быть подальше отсюда, слушай меня внимательно.

Глава 12

Переправа

Конечно, то, что у них получилось на скорую руку, нельзя было назвать санями, но по факту это все-таки были сани. Книжнику при помощи Бегуна удалось закрепить колеса ганкэроджа на кусках пластика, загнув листы спереди так, чтобы получился полоз.

Сибилла, как оказалось, прекрасно вязала узлы, благодаря ей конструкция получилась более-менее прочной. Бегун идею оценил, хотя хмыкнул, когда Тим изложил ее вслух, рисуя щепкой на заиндевевшей земле примитивный чертеж.

– Лошадям ты тоже полозья приделаешь?

В словах его был резон. Лошади на снегоступах ходить умеют, а вот бегать – нет, да и не помогут тут снегоступы.

Но на этот случай у Книжника имелась идея номер два.

Лед у берега был достаточно толстым, чтобы выдержать и лошадей, и повозку с пассажирами. Проблемы начинались дальше, ближе к середине Харбора, там, где течение было достаточно сильным, чтобы размывать ледяную корку. Но и тут были места, где холод победил воду, просто лед там казался совсем негодящим: пористым и тонким.

Но ночью мороз должен был усилиться (и он усиливался с каждой минутой, щипал за щеки и нос, забирался под отсыревшую за день одежду), значит, к утру лед станет хоть чуточку, но толще. И если на этих местах положить листы пластика, то есть шанс, что копыта лошадей эту корку не пробьют.

– А если пробьют? – спросил Бегун.

– Значит, – ответил Книжник вставая, – нам не повезет. Пошли, у нас много работы!

Как ни странно, Бегун не стал ни фыркать, ни пререкаться. Он протянул прожаренную крысиную тушку Сибилле.

– Держи. От сердца отрываю.

Когда они закончили работу, рассвет уже выглядывал из-за горизонта и звезды на востоке начали блекнуть. Спать хотелось страшно, но времени на сон не оставалось, если, конечно, в планах не значилось дожидаться воинов из Тауна.

Книжник пробежался по подготовленной трассе, обозначая траекторию россыпью раскаленных углей. В полумраке это выглядело красиво, словно кто-то бросил на дорогу алые мерцающие звезды.

Лошади сделали несколько неуверенных шагов, тронули с места импровизированные сани и пошли, набирая ход. Этого было недостаточно. Чтобы пересечь стремнину, требовалась скорость, и Книжник, мысленно извинившись, хлестнул своих скакунов вожжами поперек спин.

По речному льду сани пошли споро, легко, пластик скользил по льду, лошади слушались возницу, и повозка преодолела первые двести ярдов, как по маслу. Несмотря на то, что самое страшное все еще было впереди и опасный участок приближался с каждой секундой, Книжник почувствовал, как его физиономия расплывается в довольной улыбке.

Свиста первой мины он не услышал и не понял, почему лед в полусотне футов от них взлетел в небо вместе с водяным столбом. Да если бы и услышал, то все равно не сообразил бы, что происходит, потому что никогда не видел ни миномета, ни как из него стреляют.

Тим даже не испугался – он просто не понимал, чего бояться. А бояться стоило! Через два удара встрепенувшегося сердца рвануло снова, уже гораздо ближе.

Бегун крутил пулеметным стволом, выискивая цели, а целей не было. Не было вокруг ни одной живой души. Но смерть с воем падала сверху, словно кто-то невидимый, засевший в снежных тучах швырял в них гранату за гранатой.

Невдалеке что-то ухнуло, коротко просвистело, рушась с зенита вниз, и новый фонтан воды, смешанный с ледяным крошевом, взлетел к серому низкому небу.

Лошади заржали и, испуганные взрывом, начали уходить в сторону от выбранной траектории, но Тим рванул вожжи так, что едва не вывернул себе плечо, и удержал повозку на пути к фарватеру, который за ночь схватился льдом.

Эта часть замерзшей реки отличалась по цвету, достаточно было бросить взгляд, и становилось ясно, куда ехать. Именно здесь Бегун и Книжник уложили на хлипкую пористую корку несколько десятков пластиковых листов.

Если расчет окажется правильным, а он был правильным, Книжник не позволял себе и на минуту подумать иначе, то эту сотню футов можно проскочить, не провалившись в полынью.

Вот только обстрел Тим не учел. Просто не мог учесть...

Взрыв. Еще один.

Следующая мина угодила прямо в кобылу-спасительницу и разорвала ее в клочья. Кровавые ошметки разлетелись вокруг, пятная снежок алым. Лошадиная голова едва не снесла Книжника с облучка, он чудом успел пригнуться.

Превратившаяся в фарш кобыла бежала за ган-кэрроджем налегке: Тим не стал загружать седельные сумки упаковками вакцины и сейчас мысленно поблагодарил себя за это.

Лошадь было жаль, но у Книжника были заботы поважнее – самому уцелеть в этой передраге.

Если сани не попадут на дорогу из листов пластика, если следующий взрыв разбросает их импровизированный мост, если осколками покалечит лошадей или они упадут, запутавшись в постромках, то реку не пересечь. Конечно же, можно придумать другой план и найти путь попроще, только для этого надо выжить. А пока – другого плана у Книжника не было.

Слева мелькнула тень, и Тим увидел, как что-то врезалось в лед рядом с упряжкой, но взрыва, как ни странно, не последовало. Зато справа и сзади рвануло сильно, и по спине Книжника забарабанило ледяной крошкой.

И в этот момент сани выскочили на пластиковый «мост». Копыта ударили в листы, прикрывавшие хрупкий тонкий лед, повозка осадилась упряжку назад: пластик по пластику скользил хуже, чем по льду. Хоть тонкий слой инея, выпавший за ночь, и помогал, но скорость сразу же упала, а именно скорость должна была сыграть немаловажную роль в осуществлении плана Книжника.

Он хлестнул лошадей – раз и еще раз! Упряжка рванула вперед. Под широкой лыжей ган-кэрроджа что-то треснуло, но они успели проскочить опасное место. Из-под листов, которые только что миновала повозка, плеснуло водой, но лошади уже неслись дальше. Книжник натянул вожжи, направляя кэрродж вправо, и тут же, без колебаний, заложил дугу влево, едва не опрокинувшись во время маневра.

Он все-таки вписался в зигзаг между едва заросшими ледяной кашей полыннями!

Взрыв! Еще один! И еще один!

Разрывы приближались к ган-кэрроджу справа, ложились в линию, которая неизбежно пересекалась с траекторией повозки.

Затормозить – означало через миг попасть в полынью, пробитую минами. Продолжать двигаться – получить прямое попадание.

Времени на выбор у Книжника не оставалось. Он привстал и хлестнул лошадей поперек мокрых спин, оставив на конских крупах кровавый след от удара. Одна из лошадей заржала от боли, запрокидывая голову. Тим увидел косящий на него глаз, безумный, окруженный кровавой склерой, оскаленные крупные зубы, и снова взмахнул вожжами. Казалось, что лошади бегут на пределе, но боль заставила их пойти еще быстрее.

Взрыв – и ледяной фонтан взметнулся вверх, заставив Книжника втянуть голову в плечи. Он увидел, как под копытами упряжки проседает один из последних листов пластика, как вода

накрывает его, как начинает проседать зад повозки... Сзади заорал неожиданным басом Бегун. Такой изощренной ругани Тим еще не слышал, хотя за свою жизнь наслышался всякого. Поднимаемая расходящаяся в сторону волну, сани проскочили пролом вслед за лошадьми, и очень вовремя! Следующий разрыв угодил в открывшуюся полынью. Водяной столб накрыл ган-кэр-родж на излете, но и этого хватило, чтобы Бегун и жрица вымокли до нитки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.